

Н. Р. ЭШФОРД

ИСКРА БЕЗМОЛВИЯ

ОНА НЕ МОЖЕТ ПРОИЗНЕСТИ
НИ ОДНОГО ЗАКЛИНАНИЯ.
НО ЕЁ МОЛЧАНИЕ МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ МИР.

7

Николас Реймонд Эшфорд

ИСКРА БЕЗМОЛВИЯ

«Автор»

2026

Эшфорд Н.

ИСКРА БЕЗМОЛВИЯ / Н. Эшфорд — «Автор», 2026

Двенадцатилетняя Кира Стерлинг живёт в маленьком приморском городке. Из-за редкого неврологического расстройства она не может произнести ни одного заклинания вслух — в мире, где магия творится исключительно через точно выговоренные Слова Силы, это делает её изгоем даже в собственной семье потомственных волшебников. Но однажды, в момент крайней опасности, из её ладоней вырывается беззвучная серебряная искра, которая останавливает время. Оказывается, Кира — носительница «Искры Безмолвия» — запретного и почти забытого дара, позволяющего слышать истинные имена вещей внутри себя и претворять их в реальность без единого звука. Девушку приглашают в Академию Шепчущих Камней — скрытую в скалах школу, где учат тех, чья магия не подчиняется общим правилам.

© Эшфорд Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девочка, которая не могла говорить	6
Глава 2. Дыхание камня	19
Глава 3. Шёпот в темноте	33
Глава 4 Обед у зеркала	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николас Реймонд Эшфорд

ИСКРА БЕЗМОЛВИЯ

Оглавление

- Глава 1. Девочка, которая не могла говорить
- Глава 2. Дыхание камня
- Глава 3. Шёпот в темноте
- Глава 4. Первый урок: Дыхание в ладонях
- Глава 5. Затмение Трёх Лун
- Глава 6. Библиотека произнесённых эхо
- Глава 7. Серебряная искра в темноте
- Глава 8. Культ Тишины и украденная тишина
- Глава 9. Лабиринт Глохнувших Зеркал
- Глава 10. Первозданный Слог и комната, которой нет
- Глава 11. Голос, который звучит внутри
- Глава 12. Новое созвучие

Глава 1. Девочка, которая не могла говорить

Соль оседала на подоконниках так густо, что пальцы оставляли в ней следы. Ветер завывал в печных трубах, и Кира различала в этом вое голоса — не свои, чужие, но знакомые, словно старые соседи. Она могла бы сказать, когда засохшая герань на подоконнике захочет пить: корни начинали светиться изнутри тусклым зелёным. Могла бы найти прабабушкин напёрсток с закрытыми глазами — он всегда лежал под третьей половицей, там, где доски разошлись и пахли морем. А если прижаться ухом к полу, можно было услышать, как галька за шесть кварталов перекачивается под волнами. Это эхо старого заклинания, говорила мама. Кира просто не знала, что слышит она, а не заклинание.

Но знать и сделать — разные вещи. Магия в их мире требовала звука. Чёткого, словно вырезанного из хрусталя, произнесённого ровно на той частоте, которая заставляла воздух дрожать и послушно сплетаться в узоры. Отец щёлкал пальцами, не глядя, бросал «*Аэроминимо!*» — и кофейник сам перелетал через всю кухню, аккуратно приземляясь у его локтя. Мама пела «*Люмина-вера*» тихо, на выдохе, будто колыбельную, и свет разливался по комнате не ярко, а уютно, словно кто-то зажжёт все свечи сразу. Кира смотрела, как он проходит сквозь стены, и внутри закипала глухая злость: у них получалось. У неё — никогда.

Кира не могла произнести ни одного слова правильно. С детства язык отказывался слушаться, звуки застревали в горле, рассыпались на слоги, путались. Самое простое «*Репáро*» превращалось в сдавленный хрип, от которого у матери стекленели глаза, а отец тяжело вздыхал. В школе для одарённых, куда её всё же брали из уважения к роду Стерлингов, её парта всегда стояла в самом дальнем углу, подальше от «настоящих» учеников, чьи голоса уже ломали пергамент пополам.

— Представь, что слова — это ступеньки, — говорила мама, и от её пальцев пахло солью и ванилью. Она гладила Киру по голове, но та отворачивалась. — Если одна сломана, можно перешагнуть. Или прыгнуть. Или придумать новую.

Кира смотрела в стену. Ей было девять. Она давно перестала верить в лестницы.

— Ты способная, — мама вздыхала. — Просто...

— Другая, — закончила за неё Кира. Голос сорвался на хрип. Она ненавидела это слово. «Другая» означала «неправильная». «Другая» означала «сломанная». И лестница тут была ни при чём.

Но Кира знала: она не просто другая. Она — неисправная. И в день летнего солнцестояния, когда старшие дети запускали в небо огненных птиц, она ушла на дикий пляж за старым маяком, подальше от чужих насмешек.

Там, среди чёрных мокрых валунов, она дала волю тихой ярости. Схватила камешек, сжала до побелевших пальцев и прохрипела в пустоту то слово, которое никак не давалось: «*Л-лексис-с!*» — заклинание левитации. Горло сдавило спазмом. Камень упал в воду с жалким всплеском.

— Ты тоже слышишь, как они врут?

Кира дёрнулась, чуть не поскользнувшись на мокром камне. На соседнем валуне сидел мальчишка — серый, как туман, в куртке на вырост. Он не смотрел на неё. Сдирал кору с ветки длинными полосами, и воздух вокруг него дрожал, будто от жара.

— Кто? — выдохнула Кира. Голос сорвался, как всегда. Она ненавидела этот звук.

— Слова, — мальчишка поднял голову. Глаза у него были светлые, почти белые. Не как у пса — как у человека, который смотрел сквозь вещи. — Люди говорят их как попало. Как камни в воду. А правильные слова... они сами находят дорогу. Без голоса.

Кира хотела спросить, откуда он знает. Но он уже встал, бросил ветку в волны и пошёл прочь, легко перепрыгивая с камня на камень.

— Не пытайся говорить, — крикнул он через плечо. — Попробуй слушать.

Она не успела спросить, как его зовут. Он исчез в тумане, а она осталась с камнем в ладони и странным ощущением: будто кто-то только что показал ей ключ от двери, которую она не видела.

Кира хотела ответить, что это глупость, магия не работает без голоса, но вдруг почувствовала — от мальчишки исходит тихое, ровное гудение, будто где-то глубоко под землёй вращается гигантское веретено.

Он не дождался ответа. Слез с камня, бросил ветку в волны и пошёл прочь, легко перепрыгивая с валуна на валун. Уже у самой кромки тумана, наползающего с моря, он обернулся и добавил:

— Не пытайся говорить. Попробуй слушать. У тебя уже почти получается. Искра почти родилась.

Он исчез в серой мгле, прежде чем Кира успела окликнуть его. Она осталась одна, и внутри неё впервые за много лет поселилась не пустота, а странное, колкое, жгучее любопытство.

А через три дня в их дверь постучали.

Точнее, не постучали. В стекло кухонного окна, за которым привычно грохотал прибой, ударилось что-то звонкое. Кира подняла глаза от тарелки с недоеденной кашей — и увидела птицу.

Это не была чайка. И не альбатрос. Птица сидела на наружном подоконнике и чистила клюв, и клюв этот был самым настоящим — из чёрного, с прожилками золота, обсидиана. Глаза-бусины мерцали влажным янтарём. В когтистых лапах она держала плотный конверт цвета грозового неба, запечатанный сургучом с оттиском семи сплетённых ветвей.

Кира замерла. Мать, только что вытиравшая руки полотенцем, уронила его на пол. Отец, проверявший в гостиной какие-то бумаги, подошёл и молча смотрел на птицу, шевеля губами без звука. Птица переступила с лапки на лапку и требовательно постучала

каменным клювом по стеклу — *тук, тук, тук*. Затем наклонила голову и уставилась прямо на Киру.

— Это ей, — тихо сказала мама и сама испугалась своих слов. — Это письмо... ей.

Отец осторожно, словно боясь спугнуть, открыл окно. Морской ветер ворвался в кухню, заколыхал конверт. Каменная птица разжала когти. Письмо мягко спланировало и опустилось прямо в ладони Киры, словно знало дорогу.

На лицевой стороне, выведенное золотистыми чернилами, которые едва заметно переливались, было написано:

Кире Светозаровне Стерлинг,

Третий уступ, дом-маяк под Опаловым скатом,

Комната, где спит эхо северного ветра.

А ниже — сургучная печать с оттиском, под которым вилась одна-единственная строка:

Академия Шепчущих Камней

— Что это? — прошептала Кира, чувствуя, как бумага под пальцами наливается теплом.

И вдруг — тихое, ясное, словно далёкий колокольчик, но не снаружи, а прямо в голове, прозвучало:

«Слушай. Ты готова.»

Кира вздрогнула так, что чуть не выронила конверт. Голос был беззвучным — и совершенно живым. И в глубине её груди, там, где раньше жили только застрявшие, разбитые слоги, впервые зажглась крошечная, но невыносимо яркая серебряная искра.

Птица за окном взмахнула каменными крыльями и унеслась в низкое небо, оставив после себя лишь запах нагретого на солнце гранита и предвестие будущего, которое Кире ещё только предстояло произнести — без единого слова.

Кира вглядывалась в конверт, не решаясь сломать печать. Сургуч казался живым — по нему пробегали золотистые искры, а семь сплетённых ветвей шевелились, словно подводные травы. Мама молча стояла за спиной, положив руки на плечи дочери. Отец всё ещё смотрел в окно, туда, где растворилась каменная птица, и лицо у него было странное — растерянное и в то же время торжественное.

— Откроешь? — тихо спросила мама, и Кира поняла, что вопрос адресован и ей, и отцу.

Она кивнула. Пальцы коснулись сургуча, и тот мгновенно расплавился, впитался в бумагу, не оставив и следа. Конверт сам развернулся в её ладонях, словно лепесток дикий-дикий цветка. Внутри оказался плотный лист пергамента с водяными знаками в виде

переплетающихся камней и букв. Чернила были те же — текучие, золотистые, слегка светящиеся. Они складывались в строки, плывущие перед глазами, как будто подстраиваясь под её взгляд. Кира прочла вслух — точнее, попыталась, но горло сжалось привычным спазмом, и она просто позволила словам звучать у себя в голове.

*«Уважаемая мисс Стерлинг, Искра Безмолвия пробудилась в Вас в час, назначенный древними звёздами. Совет Семи Ветров и Хранители Первозданного Слога приглашают Вас занять место среди учеников Академии Шепчущих Камней.

В Академии Вы обретёте знание о природе беззвучной магии, научитесь слышать истинные имена вещей и претворять их в реальность. Ваша особенность — не изъян, но дар, дремлющий в Вас с рождения.

Занятия начинаются в первый день Осеннего Равноденствия. Проезд до Академии будет обеспечен. Подробные указания придут с проводником, которого мы вышлем накануне.

С нетерпением ждём Вашего решения.

С уважением,

Магистр Алтея Хейзелвуд,

Директор Академии Шепчущих Камней

P.S. Если Вы решите принять приглашение, просто произнесите своё имя мысленно, коснувшись этого письма. Оно само сообщит нам о Вашем согласии.»*

Последние слова чуть померкли, а затем снова налились светом. Кира перечитала письмо дважды. В груди разрасталось странное чувство, похожее на приближение грозы: воздух стал плотным и звонким.

— Это невозможно, — произнёс наконец отец. Он повернулся к ним, потирая подбородок. — Академия Шепчущих Камней... я думал, это легенда.

— Ты знал о ней? — мама повернулась к нему с изумлением.

— Слышал. Очень давно, ещё от своего деда. Говорили, что где-то в северных скалах существует школа для детей с... отклонениями. Для тех, кто не может творить заклинания голосом. Их считали неполноценными, но они обладали иной силой. Правда, я всегда думал, что это сказки, которые рассказывают, чтобы утешить родителей немых

волшебников. — Он виновато посмотрел на Киру. — Прости, милая.

Кира не обиделась. Сейчас это было не важно. Важно было письмо, живое и настоящее, лежащее у неё на коленях. Оно было доказательством того, что она — не ошибка природы. Что

её молчание — не пустота, а ожидание. Ей вдруг мучительно захотелось согласиться, немедленно, прямо сейчас, пока родители не начали спорить и приводить разумные доводы. Она коснулась пергамента и мысленно, яростно, точно ударила в ладоши, произнесла: *Кира Стерлинг*.

Пергамент вспыхнул на мгновение тёплым золотым светом и погас. По поверхности пробежала едва заметная рябь, и внизу, под подписью директора, проступили новые слова:

*«Решение принято. Проводник прибудет за Вами в канун Осеннего Равноденствия, ровно в сумерки. Соберите необходимые вещи: тёплую одежду, удобную обувь и, если пожелаете, предмет, хранящий воспоминание о голосе. Список учебных принадлежностей Вы получите на месте. Ничего не бойтесь.»

Мама ахнула. Отец шумно выдохнул и опустился на табурет.

— Значит, решено, — проговорил он с неожиданной покорностью. — Что ж, Стерлинг никогда не отступали перед неизвестностью.

И началась подготовка. Три недели до Осеннего Равноденствия пролетели как один долгий, наполненный тревогой и предвкушением день.

Мама, всегда сдержанная и практичная, вдруг превратилась в наседку. Она перебирала Кирины вещи, что-то зашивала, вязала тёплые носки, хотя Кира уверяла, что в Академии, наверное, есть магия, которая не даст замёрзнуть. «Магия магией, — отрезала мама, — а овечья шерсть ещё никому не повредила». Она же настояла, чтобы Кира взяла с собой маленький серебряный напёрсток — тот самый, прабабушкин. «Он хранит тепло рук пяти поколений женщин нашего рода. Может быть, он поможет тебе услышать нас, если станет одиноко», — сказала она, вкладывая напёрсток в ладонь Киры.

Отец действовал иначе. Он приносил из своей конторы старые, пахнущие пылью и временем свитки, разворачивал на обеденном столе и пытался найти хоть какие-то упоминания об Академии Шепчущих Камней. Большинство записей были туманными: «школа потерянных голосов», «обитель тихих», «место, где камни говорят беззвучно». Один свиток, написанный на неизвестном языке, но снабжённый подстрочником на

латыни, гласил: «И придут те, чьи уста немы, и возвестят седьмой слог, и тишина отступит пред новым созвучием». Отец перевёл это вслух, запнулся, потёр переносицу и пробормотал: «Звучит как пророчество. Не люблю пророчества». Но свиток аккуратно свернул и положил в дорожную сумку Киры. «Пригодится. Кто знает, чему там учат».

Кира много гуляла в эти дни. Она бродила по берегу, заходила дальше обычного, туда, где скалы спускались прямо в море и волны разбивались о чёрные камни с глухим, ритмичным гулом. Она пыталась слушать — так, как велел тот странный мальчишка. Переставала дышать, закрывала глаза и сосредотачивалась на звуках внутри себя. Иногда ей казалось, что она действительно слышит: не слова, но отзвуки слов, тени смыслов, скользющие на границе сознания. Море шептало не просто «ш-ш-ш», а что-то древнее, почти забытое. Ветер не выл, а тянул долгую, печальную ноту, похожую на имя. Камни под ногами отзывались глухим гулом, и в этом гуле тоже чудилась речь. Однажды, приложив ладонь к шершавой поверхности валуна, она вдруг почувствовала тепло и услышала внутри себя, отчётливо и ясно: «Я помню дождь». Это было так неожиданно и так просто, что Кира рассмеялась, и смех этот, сорвавшийся с губ, прозвучал почти нормально.

Она стала пробовать магию. По-настоящему, впервые в жизни. Не выкрикивать заклинания, а слушать и направлять. Нашла на пляже обточенный морем кусочек кварца, зажала в кулаке и попыталась попросить его засиять. Не приказать, а именно попросить — услышать его внутреннее имя и произнести его беззвучно. Долго ничего не происходило. Кира уже хотела бросить, как вдруг кварц в её руке сделался теплее, потом горячее, а затем изнутри его зажёгся крошечный, дрожащий огонёк. Он горел всего мгновение, но этого хватило, чтобы сердце забилося часто-часто. Она не сказала ни слова. Но магия произошла.

Этот случай Кира хранила в тайне. Почему-то ей казалось важным приехать в Академию не с пустыми руками, а с собственным, выстраданным опытом. Она больше не чувствовала себя беспомощной. Канун Осеннего Равноденствия наступил быстрее, чем она ожидала. День был пасмурный и ветреный, море штормило, и маяк, на котором работала мама, зажгли раньше обычного. Кира стояла у окна своей комнаты и смотрела, как багровое солнце опускается в рваные тучи. Сумерки сгущались. Ровно в тот миг, когда последний луч погас за горизонтом, в дверь постучали.

Это был необычный стук — тройной, глухой, похожий на удары деревянного посоха о камень. Отец, бросив взгляд на Киру, пошёл открывать. На пороге стояла женщина. Высокая, облачённая в длиннополый дорожный плащ, с капюшоном, низко надвинутым на лоб. Когда она откинула капюшон, стали видны седые, но густые волосы, заплетённые в сложный узел, и лицо — строгое, с резкими чертами, но глаза... глаза у неё были молодые, живые, цвета морской волны. В руках она держала посох, вырезанный из цельного куска серого камня, отполированного до блеска, с вкраплениями слюды, мерцавшими в полумраке.

— Добрый вечер, — произнесла она голосом, который напоминал шелест гальки. — Я Айвори, проводник и наставник первого года Академии Шепчущих Камней. Пришла за Кирой Стерлинг. Мама пригласила её войти, предложила чаю, но Айвори покачала головой.

— Времени мало. Дорога неблизкая, а путь открывается только в сумеречный час. Кира, ты готова?

Кира вышла вперёд, сжимая лямку дорожной сумки. Внутри плескался страх, смешанный с восторгом. Она кивнула.

— Тогда идём.

Они вышли на улицу. Ветер трепал полы плаща, швырял в лицо солёные брызги. Айвори повела их не к калитке, а в сторону берега, туда, где за старым маяком начиналась узкая тропа, уводящая в скалы. Родители шли следом, и Кира чувствовала их молчаливую поддержку.

У подножия скалы, там, где тропа упиралась в глухую стену, Айвори остановилась. Она подняла посох и трижды ударила им о землю. Камень под ногами завибрировал, и в скале прямо перед ними проступил контур двери. Не грубой, вырубленной, а плавной, словно вылепленной из того же серого гранита. На поверхности зажглись те же знаки, что были на печати — семь сплетённых ветвей.

— За этой дверью начинается путь. «Дальше мы пойдём вдвоём», — сказала Айвори, обращаясь к родителям. — Прощайтесь. Но ненадолго. Первый семестр продлится до Зимнего Солнцестояния.

Мама обняла Киру первой. Она ничего не говорила, только гладила по спине и дышала часто-часто. Потом отстранилась, поправила капюшон на дочери и улыбнулась дрожащей улыбкой.

— Пиши, — сказала она. — То есть, как сможешь. Дай знать, что ты в порядке.

Кира кивнула, прижалась щекой к материнской ладони.

Отец обнял её крепко, по-мужски, хлопнул по плечу.

— Горжусь тобой, — сказал он хрипло. — Покажи им там, что такое Стерлинг.

Кира снова кивнула, чувствуя, как к горлу подступает комок.

Айвори коснулась посохом двери, и та бесшумно отворилась.

Оттуда пахло теплом, сухой пылью и чем-то ещё — ароматом старых книг и далёкого дождя. Кира шагнула в темноту, и дверь за ней закрылась, отрезая звуки моря и голоса родителей.

Несколько мгновений они шли в полной темноте, слышен был только стук посоха по каменному полу. Затем впереди забрезжил свет, и тоннель вывел их в просторную пещеру, освещённую множеством кристаллов, выросших в стены. Кристаллы пульсировали мягким голу-

боватым светом, и в их сиянии Кира разглядела уходящие ввысь своды, покрытые причудливыми узорами. В центре пещеры стояла платформа, выложенная тёмным деревом, а на ней — состав из двух вагонов. Но это был не обычный поезд. Вагоны походили на большие раковины, перевитые металлическими лозами, а вместо колёс покоились на подушках из сгустившегося тумана. Над платформой, прямо в воздухе, висела надпись, выведенная огненными литерами: **«Странник. Платформа «Семь Ветров», путь 7».**

— Это наш транспорт, — пояснила Айвори. — «Странник» ходит по всем магическим путям мира, но эта платформа — особая. Она открывается только для учеников Академии.

Они поднялись в вагон. Внутри было уютно: мягкие сиденья, обитые бархатом, столы из тёмного дерева, под потолком покачивались светильники в виде прозрачных коконов, внутри которых порхали крошечные огненные бабочки. Кроме Киры и Айвори, в вагоне никого не было.

— Садись, — Айвори указала на место у окна. — В пути я расскажу тебе об Академии.

Поезд тронулся почти беззвучно, лишь лёгкое гудение пронизало воздух. За окном поплыли не пейзажи, а какие-то цветные полосы, всполохи света, изредка проступали очертания гор и лесов, но всё было размыто, словно они двигались сквозь толщу воды.

— Академия Шепчущих Камней, — начала Айвори, сложив руки на навершии посоха, — одна из старейших магических школ. Но в отличие от других, мы не учим заклинаниям. Мы учим слушать.

— Слушать что? — мысленно спросила Кира, но Айвори словно услышала её.

— Слушать Первозданный Слог. Он лежит в основе всего сущего. Каждый камень, каждая капля воды, каждое живое существо несёт в себе частицу этого Слога. Обычные волшебники черпают силу, повторяя его отзвуки вслух — то, что они называют заклинаниями. Но это лишь грубое подражание. А мы учимся слышать Слог напрямую и вплетать свою волю в его звучание без слов. Это и есть Искра Безмолвия.

— Но почему я не могла говорить? — спросила Кира, и голос её прозвучал сипло, но на удивление разборчиво.

— Потому что твоя Искра с рождения была слишком сильна для голоса. Она заглушала его. Представь себе реку, которую пытаются заключить в узкое русло. Твоя река не помещалась. Поэтому она искала другой выход.

Кира вспомнила вспыхнувший кварц, серебряную искру в груди. Да, это было похоже на реку.

— А мальчик на пляже... он тоже из Академии?

Айвори впервые улыбнулась. Улыбка у неё была тёплой, совсем не вязавшейся со строгим обликом.

— Это Лиам. Он из старших учеников. Его послали наблюдать за тобой. Искра часто пробуждается спонтанно, и важно, чтобы в этот момент рядом оказался кто-то, кто понимает.

— Он говорил, что слова звучат неправильно... как ложкой по стеклу.

— У него острый слух. Лиам — очень одарённый Слушатель. Он слышит дисгармонию так же ясно, как ты слышишь крик чайки. Ты ещё познакомишься с ним ближе.

Вагон качнуло, свет за окном на миг стал ярко-зелёным, потом снова размытым. Айвори продолжила:

— В Академии три факультета. Нет, мы не делим учеников по качествам характера. Мы делим по типу восприятия Слога. Есть Слушатели — те, кто воспринимает звучание мира как музыку, они работают со стихиями, с живыми существами. Есть Видящие — они видят узоры силы, могут читать прошлое предметов и создавать артефакты. И есть Тактильные — они чувствуют магию кожей, могут изменять материю прикосновением. Твоя Искра покажет, к какому факультету ты принадлежишь.

— А Искра есть у всех учеников?

— Да. Но у каждого она своя. Твоя проявлялась как остановка времени, верно? Это очень редкий дар. Он говорит о том, что ты можешь касаться самого течения Первозданного Слога.

Кира вспомнила, как в тот страшный момент, когда она чуть не упала со скалы, время действительно застыло. Она смогла удержаться и отползти, а потом всё понеслось дальше. Это было всего один раз, и она никому не рассказывала.

— Ты уже владеешь магией, Кира. Просто не знала об этом. В Академии ты научишься управлять ею осознанно.

Поезд начал замедляться. За окном проплыли очертания высоких скал, увенчанных снежными шапками, и состав мягко остановился. Двери с лёгким шипением открылись.

Они вышли на платформу, вырубленную прямо в скале. Над головой сияли звёзды, крупные и яркие, каких Кира никогда не видела в городе. Воздух был холодным, разреженным, пахло снегом и нагретым камнем. К платформе примыкала широкая лестница,

высеченная в скальной породе, ступени вели вверх, к массивным воротам, над которыми горела надпись: «Не голосом, но сутью».

— Добро пожаловать в Академию Шепчущих Камней, — произнесла Айвори, и голос её эхом разнёсся среди скал.

Они поднялись по ступеням. Ворота были огромными, из цельного чёрного мрамора, с инкрустацией из серебряных рун. Когда Кира приблизилась, руны на миг вспыхнули, и створки беззвучно раздвинулись.

За воротами открылся внутренний двор, окружённый высокими стенами, нависающими уступами скал и зданиями, которые, казалось, вырастали прямо из камня. Архитектура была странной: плавные линии, отсутствие острых углов, множество арок и галерей, оплетённых плющом, который светился мягким лунным светом. В центре двора

возвышался огромный кристалл, пульсирующий голубым. Вокруг него были разбиты клумбы с травами, источавшими тонкий аромат.

Учеников не было видно — вероятно, час был поздний. Только где-то в глубине светились окна, и ветер доносил приглушённый гул голосов. Но голосов не слышно — гул был иным, вибрацией, пронизывающей камень.

— Сегодня ты переночуешь в комнате для новых учеников. Завтра, после Равноденствия, состоится Церемония Искры, где определится твой факультет. А пока отдыхай. Путь был долгим.

Айвори проводила Киру в одно из зданий, по узкой винтовой лестнице, выложенной светящимся мхом, они поднялись в небольшую комнату с единственным окном, выходящим во двор. Обстановка была скромной: кровать, стол, шкаф и туалетный столик с зеркалом. Зеркало, кстати, было необычным — его поверхность подёргивалась рябью, отражая не столько внешность, сколько силуэт, словно сотканный из дыма. На столе лежал свёрток с тёплым одеялом и записка: «Для Киры. Согревает лучше любого заклинания.»

Айвори пожелала доброй ночи и удалилась. Кира осталась одна.

Она подошла к окну. Внизу, во дворе, кристалл равномерно пульсировал. Где-то далеко заухала сова, и ей ответило эхо, многократно усиленное скалами. Кира прижалась лбом к холодному стеклу. Ей было страшно и радостно одновременно. Она почувствовала, что её молчание наконец-то обрело дом.

Сняв сумку, она вынула напёрсток, свиток отца и камешек кварца, который всё ещё хранил слабое тепло. Разложила на столе, села на кровать и стала смотреть, как лунный свет играет на гранях. Потом закрыла глаза и попыталась, как учила Айвори, слушать. И сквозь тишину комнаты, сквозь шум ветра за окном, она впервые услышала это — глубинное, вибрирующее, непрерывное звучание, словно исполинский орган тянул одну бесконечную ноту. Первозданный Слог. Он был всюду. И она была его частью.

Кира не заметила, как уснула. Ей снились серебряные искры, сплетающиеся в огромные паутины под сводами пещеры, и голоса — не слова, а чистые тона, каждый из которых был именем. Она проснулась от того, что солнечный свет, пробивавшийся сквозь высокое окно, лёг тёплой полосой на лицо. Несколько мгновений она лежала, глядя в каменный потолок, испещрённый прожилками слюды, и вспоминала, где находится. Воспоминания нахлынули разом: письмо, поезд, Айвори, огромный кристалл во дворе. Сердце забилось быстрее. Она в Академии.

Кира села на кровати. Свиток отца, прабабушкин напёрсток и кусочек кварца по-прежнему лежали на столе. Кварц, кажется, светился слабее, но всё ещё хранил вчерашнее тепло. Она прикоснулась к нему пальцем, и камешек отозвался тихой вибрацией, точно мурлыкающий котёнок. Кира улыбнулась. Магия здесь была повсюду, не требовала усилий, просто позволяла себя чувствовать.

Она оделась в приготовленную с вечера одежду — плотные брюки, вязаный свитер, поверх накинула тёплую мантию, которую нашла в шкафу (видимо, оставили специально для новеньких). Мантия была глубокого синего цвета, с капюшоном, подбитым мягким мехом, и застёгивалась на крупную серебряную пряжку в форме сплетённых

ветвей. Обувь — высокие ботинки на шнуровке — тоже ждала под кроватью. Всё подошло идеально, словно её здесь ждали давно.

За окном раздался мелодичный перезвон. Он не был похож на колокол — скорее на хрустальный аккорд, многократно отражённый скалами. Звук проникал не только в уши, но и вибрировал где-то внутри груди. Кира подошла к окну. Во дворе уже собралась небольшая группа ребят примерно её возраста. Все были в таких же синих мантиях, некоторые с сумками, другие просто стояли, оглядываясь. Видимо, это и были новые ученики.

Она спустилась по лестнице, стараясь не шуметь. Ступени, выложенные светящимся мхом, мягко пружинили под ногами. Внизу, в небольшом холле, её уже ждала Айвори. Сегодня на ней была не дорожная мантия, а тёмно-зелёное одеяние с вышитыми серебряными рунами, а посох она сменила на изящный жезл из прозрачного камня.

— Доброе утро, Кира, — произнесла она. — Хорошо ли спалось?

Кира кивнула и хотела было прохрипеть «да», но на этот раз слова не вышли вовсе — горло словно сжало ледяной рукой. Она на мгновение испугалась, но Айвори мягко коснулась её плеча.

— Не тревожься. Это обычное явление. Здесь, вблизи источника Первозданного Слога, голос может временно умолкнуть даже у тех, кто привык говорить. Твоё тело настраивается на новую частоту. Скоро ты найдёшь другой способ общения.

Она протянула Кире небольшой плоский камешек на цепочке — гальку, отполированную морем, с вырезанным на ней знаком семи ветвей.

— Это амулет-переводчик. Он не читает мысли, но позволяет передавать другим то, что ты хочешь сказать, — нужно просто крепко подумать об этом, коснувшись камня. Пока ты не научилась беззвучной речи, он будет твоим голосом. Только помни: он передаёт лишь слова, а не чувства. Чувства придётся выражать самой.

Кира благодарно сжала камешек в ладони, и по её руке пробежало тепло. Она надела цепочку на шею. «Спасибо», — подумала она, и амулет мгновенно засветился мягким светом, но без звука. Видимо, для передачи мысли требовалось ещё какое-то действие — или собеседник должен был иметь такой же амулет. Айвори кивнула, словно услышала.

— Позже я научу тебя пользоваться им. А пока пойдём. Церемония Искры начнётся через час, но сначала нужно позавтракать. Ты познакомишься с другими первокурсниками.

Они вышли во двор. Солнце стояло уже высоко, заливая скалы золотистым светом. Кристалл в центре площади пульсировал ярче, чем ночью, и казалось, что от него исходит едва уло-

вимая мелодия, которую слышишь не ушами, а кожей. Несколько ребят обернулись на Киру. Одна девочка с двумя толстыми косами улыбнулась и помахала

рукой, паренёк в очках кивнул сдержанно.

— Это все новенькие? — мысленно спросила Кира, прикоснувшись к амулету, но Айвори словно услышала её без амулета. (Видимо, наставники умели воспринимать беззвучную речь).

— Да, в этом году вас девять человек. Не так много, но Академия Шепчущих Камней никогда не была многолюдной. Каждый из вас — носитель редкого дара.

Завтрак проходил в небольшой трапезной, вырубленной в скале. Потолок здесь был низким, но своды подпирали колонны, увитые светящимся плющом. Столы были каменными, но на ощупь тёплыми, скамьи — с мягкими подушками. Когда Кира вошла, на неё сразу обрушилась тишина — не звуковая, а какая-то глубинная, и она поняла: здесь никто не говорит вслух. Ученики постарше, сидевшие за отдельным столом, обменивались взглядами, иногда касались пальцами висков или запястий, и над их головами пробегали едва заметные серебряные волны — беззвучная речь. Кира ощутила одновременно и трепет, и облегчение. Здесь она не была чужой.

Айвори усадила первокурсников за отдельный стол. Еда появлялась прямо на тарелках: овсяная каша с сушёными ягодами, свежий хлеб, мёд, травяной чай в глиняных кружках. Кира почувствовала зверский голод и принялась за еду. Сидевшая рядом девочка с косами (её звали Талли, как позже выяснилось) наклонилась к ней и прошептала — да, именно прошептала, хотя и едва слышно:

— Ты тоже не говоришь? Я с рождения заикаюсь. Ужасно. Но тут, говорят, можно научиться не заикаться внутри.

Кира улыбнулась и прикоснулась к амулету, пытаясь передать «Я совсем не говорю». Камешек под пальцами потеплел, но Талли не услышала, лишь с любопытством посмотрела. Айвори, сидевшая во главе стола, заметила это и пояснила:

— Амулет Киры пока настроен только на меня. Но после Церемонии Искры вы все получите способы слышать друг друга без слов.

А пока — улыбайтесь, кивайте, пишите записки. Язык жестов ещё никто не отменял.

Талли хихикнула, прикрыв рот ладонью, и пододвинула Кире кусочек хлеба с мёдом. Та благодарно кивнула. За столом напротив сидел серьёзный мальчик с копной рыжих волос, который смотрел в тарелку и, казалось, ни с кем не общался. Рядом с ним — худощавый паренёк с живыми, слегка раскосыми глазами, который что-то рисовал пальцем на столе, и контуры рисунка тут же вспыхивали и гасли.

— Это Рэй, — шёпотом пояснила Талли, кивая на рисующего. — Он из семьи Видящих. Говорят, он умеет рисовать будущее. А тот рыжий — Майло, он страшно умный, но у него дислексия для заклинаний. Он видит буквы вверх ногами.

Кира с интересом разглядывала будущих однокурсников. Каждый из них был по-своему сломан в обычном мире, но здесь, в Академии, эти особенности оказывались гранями таланта. Она больше не чувствовала себя одинокой.

После завтрака Айвори повела их в главный зал. Он находился в самом сердце скалы, куда вёл длинный коридор, освещённый кристаллами. Пол под ногами подрагивал от низкого, утробного гула, идущего откуда-то из глубины. Кире казалось, что она входит в гигантский музыкальный инструмент.

Зал Церемоний представлял собой круглую пещеру с куполообразным потолком, на котором переливались звёзды — не нарисованные, а настоящие, словно кусок ночного неба был заключён в камень. В центре возвышался алтарь, а на нём покоился шар из того же материала, что и кристалл во дворе, только меньшего размера. Вокруг алтаря стояли

семь кресел, в которых уже сидели наставники — мужчины и женщины в мантиях разных цветов. Среди них Кира заметила женщину с серебряными волосами и пронзительным взгля-

дом — должно быть, директор Хейзелвуд. Она сидела в центре, и её мантия была не синей и не зелёной, а переливчатой, как перламутр. Первокурсников выстроили полукругом. Старшие ученики стояли вдоль стен, их мантии различались по цвету: голубые, изумрудные и тёмно-бордовые. Кира догадалась, что это цвета трёх факультетов.

Талли шепнула, что голубой — Слушатели, зелёный — Видящие, бордовый — Тактильные.

Директор поднялась и заговорила. Её голос звучал одновременно и в ушах, и в голове, обволакивал, как тёплая вода.

— Дорогие дети. Добро пожаловать в Академию Шепчущих Камней. Каждый из вас слышал от родителей или учителей, что ваш голос — брак, что ваше молчание — проклятие. Сегодня вы узнаете, что это величайший дар. Вы — те, кто способен слышать Первозданный Слог не через искажённое эхо слов, а напрямую. Ваша магия будет сильнее, глубже и тоньше, чем любая голосовая ворожба. Но помните: большая сила требует большого слуха. Слуха не ушами, а сердцем и волей.

Она обвела взглядом каждого первокурсника. Когда её взгляд остановился на Кире, та почувствовала, как внутри снова вспыхнула серебряная искра — горячая и острая.

— Сейчас Искра, живущая в каждом из вас, отзовётся на зов Первозданного Слога. Вы почувствуете, к какому типу восприятия она тяготеет, и шар направит вас к вашему факультету. Не бойтесь. Доверьтесь себе.

Наставники взяли за руки, образуя цепь вокруг алтаря, и запели. Но это было не пение в привычном смысле — низкие, вибрирующие тона исходили от них без движения губ. Воздух загустел, звёзды на потолке засияли ярче. Шар на алтаре засветился, и из

него вырвался столп света, ударивший в купол.

Первой вперёд вышла девочка с короткими светлыми волосами, которая всё время стояла поодаль, обхватив себя руками. Она приблизилась к шару и положила на него ладонь. Свет вокруг неё изменился, приобрёл изумрудный оттенок, в воздухе пронеслось дуновение, полное запаха трав и сырой земли. Видящая.

Следующим был Рэй. Его ладонь легла на шар, и по поверхности пробежали золотистые узоры, складываясь в причудливые картины, которые тут же таяли. Тоже Видящий. Он улыбнулся и отошёл к группе в зелёных мантиях.

Талли, волнуясь, выдохнула, коснулась шара — и зал наполнился тихим перезвоном, словно тысячи колокольчиков зазвенели под водой. Её Искра отозвалась мелодией — Слушатель.

Майло, рыжий мальчик, долго не решался, но всё же положил руку. Шар вспыхнул ярко-синим, и по стенам забегали быстрые тени, как будто кто-то невидимый писал формулы. Слушатель.

Настала очередь Киры. Она чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Амулет на груди раскалился. Медленно, словно во сне, она подошла к алтарю. Шар манил её, она ощущала исходящее от него тепло и низкий гул. Протянула руку и коснулась гладкой поверхности.

И мир исчез.

Кира очутилась в пустоте, где не было ни верха, ни низа, только бесконечная серебряная нить, вибрирующая в такт её сердцебиению. Нить была одновременно и звуком, и светом, и чем-то ещё — тёплым, как объятия. Она поняла: это Первозданный Слог. Не

символ, не эхо, а сама суть. И Слог заговорил с ней — не словами, а чистым знанием.

«Ты — та, кто слышит время. Время — это тоже Слог, самый длинный и самый тихий. Ты можешь касаться его, замедлять, останавливать, видеть его русло. Ты — Слушатель Времени.»

И в тот же миг её серебряная искра, сидевшая в груди, разрослась до размеров солнца. Кира вскрикнула — но не голосом, а всей своей сутью, и крик этот прокатился по нити Слога, достигнув краёв вселенной.

В реальном мире шар под её рукой вспыхнул ослепительным белым светом, смешанным с серебром. Звёзды на куполе закружились, словно кто-то ускорил время. Наставники ахнули. Директор поднялась с кресла, глаза её расширились.

— Невероятно, — прошептала она, но услышали все. — Искра Слушателя с касанием Времени. Такого не было со времён основателей.

Свет медленно угас. Кира обнаружила себя стоящей с вытянутой рукой, а шар мягко пульсировал, словно мурлыкал. Она оглянулась: все смотрели на неё с благоговением и изумлением. Талли открыла рот, Майло поправил очки и что-то черкнул в блокноте. Рэй улыбнулся загадочно.

Наставница в голубой мантии, высокая женщина с медными волосами, подошла к Кире и положила руку ей на плечо.

— Добро пожаловать на факультет Слушателей, — произнесла она голосом, напоминавшим шум далёкого водопада. — Я профессор Селена Рид, декан. Для меня большая честь принять тебя.

Киру подвели к группе учеников в голубых мантиях. Среди них она увидела Лиам — того самого мальчика с пляжа. Он стоял, прислонившись к колонне, и смотрел на неё с одобрительной полуулыбкой. Их взгляды встретились, и Кира уловила отголосок

мысли — не слова, а тёплое чувство: «Я знал. Поздравляю.»

Церемония завершилась. Каждый из девяти первокурсников обрел свой дом в академии: трое Видящих, четверо Слушателей и двое Тактильных. Их развели по гостиним факультетов, чтобы они могли отдохнуть перед завтрашними занятиями.

Гостиная Слушателей находилась в башне, выходящей окнами на север, к горному хребту. Здесь всё было пронизано тишиной, но тишина эта звучала — в ней угадывались дальние раскаты грома, шёпот ветра и чьи-то далёкие голоса. Стены были обиты тканью,

поглощающей звуки, но в то же время в углах стояли странные устройства вроде огромных морских раковин, которые, если прислушаться, транслировали музыку сфер. Мебель — глубокие кресла и диваны, над камином висела карта звёздного неба, созвездия на ней медленно двигались.

Профессор Рид объяснила, что первокурсники будут жить в общих спальнях: девочки в одной, мальчики — в другой. Кира разместилась в комнате с Талли и ещё одной девочкой по имени Линн — той самой светловолосой, которую распределили в Видящие.

Это удивило Киру, но профессор пояснила, что в Академии факультеты не изолированы — ученики разных путей живут вместе, чтобы учиться друг у друга.

Вечером, после скромного ужина, Кира сидела на подоконнике в гостиной и смотрела, как над скалами разгорается закат. В голове всё ещё звучали отголоски Слога. Ей было немного страшно от того, какой груз на неё возложили — Слушатель Времени. Что

это значит? Она вспомнила пророчество из отцовского свитка: «...возвестят седьмой слог, и тишина отступит...» Неужели речь о ней?

Её размышления прервал Лиам. Он бесшумно подошёл и сел на соседний подоконник.

— Ты слышишь его сейчас? — спросил он вслух, но его голос был тих и спокоен, словно он давно научился говорить без напряжения.

Кира кивнула, приложив палец к амулету. На этот раз она сосредоточилась, и камешек едва заметно завибрировал. Лиам ультрасонно уловил её ответ: «Да. Он везде. Как дыхание огромного зверя.»

Лиам усмехнулся.

— Хорошее сравнение. Только этот зверь — наша реальность. Мы живём внутри его песни. А ты, похоже, можешь менять её темп. Это опасно, но невероятно круто.

— Почему опасно? — передала Кира.

— Потому что есть те, кто хочет эту песню оборвать. Культ Тишины. Они считают, что Первозданный Слог — ошибка, что вселенная должна замереть. Они ищут Слушателей Времени, чтобы с их помощью остановить всё окончательно. Но не бойся. В Академии ты под защитой.

Кира похолодела. Значит, её дар — не только ключ к магии, но и мишень. Она вспомнила слова Айвори о том, что магия — ответственность. Теперь эти слова обрели тяжёлый смысл.

— А ты? — спросила она. — Какая у тебя Искра?

Лиам посмотрел в окно. Его глаза отражали закат.

— Я Слушатель Пространства. Чувствую расстояния, могу сворачивать их, как лист бумаги. Могу слышать шёпот в другом конце мира. Поэтому меня и послали наблюдать за тобой — я услышал твою Искру ещё до того, как ты сама о ней узнала.

Кира улыбнулась. Ей стало спокойнее рядом с ним. Он был первым, кто не смотрел на неё как на диковину, а просто говорил как с равной.

— Завтра начнутся уроки, — сказал Лиам, вставая. — Мой тебе совет: слушай не только Слог, но и тишину между нотами. Именно там прячется самое важное. Спокойной ночи, Слушатель Времени.

Он ушёл, оставив Киру наедине с опускающейся темнотой. Она ещё долго сидела, глядя на звёзды, и слушала. Слушала дыхание гор, шелест плюща, биение собственного сердца. И впервые за двенадцать лет её молчание было наполнено до краёв великой, звучащей тишиной, в которой она наконец-то обрела себя.

Глава 2. Дыхание камня

Первый учебный день начался для Киры задолго до рассвета. Её разбудил не звук горна и не магический колокол, а странное, неотвязное ощущение, будто кто-то невидимый тихо, но настойчиво зовёт её по имени. Она открыла глаза и некоторое время лежала

неподвижно, глядя в каменный свод, по которому пробегали бледные искорки — отражение светящегося мха, вьющегося по стенам. Амулет на груди мягко пульсировал теплом.

— Ты тоже это слышишь? — донёсся с соседней кровати полушёпот Талли. Она сидела, обхватив колени руками, и её глаза блестели в полумраке.

Кира прикоснулась к амулету и сосредоточенно передала: «Да. Как будто само здание зовёт нас».

Талли понимающе кивнула — за вчерашний вечер она немного научилась воспринимать беззвучную речь, хотя полноценный контакт пока требовал усилий. Линн, третья соседка, уже одевалась, стоя спиной к ним. Её движения были скупыми и точными, а лицо сохраняло выражение отстранённой задумчивости. Казалось, она слышала что-то своё, недоступное остальным.

Умывальная комната на этаже была вырублена прямо в скале:
гладкие каменные раковины наполнялись ледяной горной водой, которая начинала светиться мягким голубым светом, едва к ней прикасались ладони. Ученики постарше объяснили

вчера: это вода, заряжённая отголоском Слога, она бодрит лучше любого напитка. Кира плеснула несколько пригоршней в лицо и почувствовала, как по телу пробежала волна энергии.

За завтраком в трапезной было немногочисленно: старшекурсники уже разошлись по своим делам, а первокурсники сидели тесной группой за всё тем же каменным столом. Сегодня к ним подсел Майло. При свете дня его рыжие волосы горели, как маленький

костёр, а веснушки на носу казались россыпью золотой пыли. Он молча придвинул Кире исписанный листок — расписание, которое кто-то из наставников оставил на их столе. Талли заглянула через плечо и прочла вслух, запинаясь, но на удивление разборчиво:

— «Первый курс, факультет Слушателей. Утро: Основы беззвучного восприятия — профессор Селена Рид. Полдень: Дыхание в ладонях — мастер Айвори. После полудня: История Первозданного Слога — магистр Корвин. Вечером — самостоятельная практика в залах Резонанса».

— Дыхание в ладонях? — переспросил Майло, наморщив лоб. — Звучит как что-то из сказок про целителей.

— Или как первый шаг к тому, чтобы что-то зажечь без слов, — тихо добавила Талли и бросила взгляд на Киру.

Кира сжала в кармане кварцевый камешек, который всегда теперь носила с собой. Она уже знала, что такое беззвучная магия. Но превратить случайную искру в осознанное действие — совсем другое.

Первый урок проходил в аудитории, называемой «Чаша». Это был круглый зал без единого окна, освещённый лишь плавающими в воздухе сферами приглушённого света. Стены покрывали гобелены с изображениями человеческих фигур в окружении звуковых волн — не нарисованных, а вытканых серебряными нитями, которые, казалось,

вибрировали, если долго смотреть. В центре стояли не парты, а низкие каменные сиденья, расставленные вокруг плоского бассейна с водой, настолько спокойной, что она напоминала зеркало.

Профессор Селена Рид ждала их, стоя у самой кромки воды. Её медные волосы были распущены и доставали до пояса, а голубая мантия при малейшем движении переливалась, словно сотканная из струящейся воды. Когда все девять первокурсников расселись, она заговорила. Голос её лился без усилий, проникая прямо в сознание, минуя уши.

— Доброе утро, Слушатели. Сегодня мы начнём с самого простого — с тишины. Но сначала вопрос: что такое магия?

Повисла пауза. Майло поднял руку, и профессор кивнула.

— Ну, это... сила, которая позволяет изменять мир с помощью заклинаний, — произнёс он неуверенно. — Обычно для этого говорят слова, и если у тебя есть дар, то всё получается.

— Верно для большинства волшебников, — согласилась Рид. — Но наша Академия учит иному. Мы не произносим слов. Мы не приказываем миру измениться. Мы слышим его суть и просим откликнуться. Как вы думаете, почему?

Талли осмелела:

— Потому что слова искажают? Как ложкой по стеклу...

— Именно. — Профессор улыбнулась. — Каждое произнесённое вслух заклинание — это лишь приблизительный перевод Первозданного Слога на человеческий язык. А любой перевод несёт ошибку. Беззвучная магия позволяет обратиться напрямую. Но для этого нужно сначала научиться слышать.

Она сделала жест рукой, и вода в бассейне пошла рябью, складываясь в сложные геометрические узоры, которые тут же исчезали.

— Сегодня мы будем слушать воду. Это простейший элемент, она легко отзывается на Слог. Разбейтесь на пары. Один опускает ладонь в воду и слушает её внутреннее звучание, второй — наблюдает и записывает ощущения в дневник. Потом меняетесь.

Кира оказалась в паре с Линн. Они сели друг напротив друга у края бассейна. Линн первая опустила ладонь в воду. Её лицо оставалось бесстрастным, но Кира заметила, как зрачки девушки расширились, а дыхание замедлилось. Вода вокруг её пальцев пошла мелкими кругами, и на мгновение Кире показалось, что в глубине бассейна мелькнул серебристый силуэт — не то рыбы, не то птицы. Линн отдернула руку, словно обжегшись.

— Что ты почувствовала? — мысленно спросила Кира, дотронувшись до амулета, но Линн покачала головой, то ли не услышав, то ли не желая отвечать. Она лишь пробормотала едва слышно:

— Вода помнит что-то... давнее. Не сейчас.

Кире стало не по себе, но времени на раздумья не было: настала её очередь. Она опустила ладонь в воду. Та оказалась прохладной, но не ледяной, и странно плотной, словно

прикосновение к живому существу. Кира закрыла глаза и попыталась отключиться от внешних шумов: дыхания однокурсников, гула кристаллов в стенах, далёкого эха шагов. Она сосредоточилась на ощущении в кончиках пальцев. И вдруг услышала — нет, не ушами, а чем-то глубже — тихую, бесконечно тянущуюся ноту. Вода пела. Песня была без слов, но Кира различала в ней слои: верхний — лёгкий, как рябь, средний — глубокий, похожий на дыхание огромного кита, и нижний — почти недостижимый, басовитый гул, в котором угадывались отголоски земных недр. Ей показалось, что она может нырнуть в эту песню, стать её частью.

Она попыталась ответить — не словами, а той самой серебряной искрой, что жила в груди. Искорка скользнула по руке, достигла воды, и поверхность бассейна вдруг замерцала. Над водой поднялся крошечный светящийся шарик, затанцевал и с тихим хлопком исчез. Профессор Рид, наблюдавшая за ними, чуть заметно кивнула, но ничего не сказала. Кира выдохнула и открыла глаза. Сердце колотилось. У неё получилось — пусть мало, но осознанно.

После урока Талли подбежала к ней, её лицо сияло.

— У меня вышло! — зашептала она. — Я услышала, как вода смеётся. Честное слово, она смеялась! И я попросила её подпрыгнуть, и знаешь что? Она сделала маленький фонтанчик. Прямо в Майло!

Майло, стоявший неподалёку, отряхивал мокрую мантию, но не выглядел сердитым. Наоборот, он с интересом разглядывал свои очки, на которых переливались капельки.

— Любопытно, — пробормотал он. — Вода сохранила эмоциональный отпечаток. Это же... это как будто у стихии есть характер. Надо записать.

Он достал потрёпанный блокнот и принялся черкать, бормоча под нос. Рэй, проходя мимо, бросил на него короткий взгляд и еле заметно ухмыльнулся.

Следующий урок — «Дыхание в ладонях» — проходил в другом зале, который назывался «Грот Тишины». Это была естественная пещера, где стены покрывали толстые слои мягкого мха, а пол устилали циновки из сухой травы, издававшей слабый аромат

полыни. В центре возвышался невысокий каменный столб, вокруг которого стояли массивные чаши с песком, водой, углями и кристаллами. Мастер Айвори ждала их, опираясь на свой посох. Её строгое лицо сегодня казалось мягче, а глаза лучились теплом.

— Садитесь, — велела она, и все первокурсники расселись прямо на циновках. — Предыдущий урок был о слушании внешнего. Теперь мы обратимся внутрь. Вы слышали Слог в воде. Теперь вы должны услышать его в себе и научиться направлять его в ладони. Это основа всей беззвучной магии. Мы называем это «Дыханием», потому что ваша искра дышит вместе с вами.

Она показала простое упражнение: сложить ладони лодочкой, закрыть глаза и представить, что между ними загорается крошечный свет. Не приказывать ему зажегся, а именно представить, как он уже горит, и почувствовать тепло.

Первые попытки были безуспешными. У Майло ладони оставались холодными, как лёд, у Талли — чуть теплели, но свет не появлялся. Рэй сидел с отсутствующим видом, но его

ладони подрагивали, а контуры пальцев на миг становились размытыми. Линн сидела с прямой спиной, глаза плотно закрыты, и воздух вокруг неё едва заметно мерцал.

Кира попробовала последовать совету. Она закрыла глаза, сложила ладони и стала думать не о свете, а о той серебряной искре, что уже жила в ней. Она представила, как искра стекает по плечам, по рукам, собирается в центре ладоней. Сначала ничего не происходило. Затем пришло тепло — не физическое, а какое-то глубинное, словно внутри распускаясь бутон. Веки затопило мягким сиянием. Кира медленно развела ладони — и

увидела: в воздухе между ними парил крошечный, с булавоочную головку, огонёк чистого серебряного цвета. Он не горел, а именно светился, ровно и тихо, и от него веяло покоем.

— Хорошо, — услышала она голос Айвори. — Очень хорошо, Кира. У тебя прирождённая связь с собственной искрой. Теперь попробуй мягко направить её в чашу с песком.

Кира поднесла ладони к ближайшей чаше. Огонёк послушно скользнул вниз и упал на песок. В тот же миг песок вспыхнул, превратившись в стеклянные бусины, которые покатались по дну и замерли, слабо мерцая. Айвори одобрительно кивнула, но во взгляде её мелькнула тревога — та же, что была у Лиамы прошлым вечером. Слишком сильная искра. Слишком заметная.

Остаток урока прошёл в попытках повторить успех Киры. Талли смогла заставить песок чуть потемнеть. Рэй создал маленький вихрь, который взметнул песчинки, но быстро угас. Майло не преуспел в создании света, зато неожиданно для себя уловил слабый гул от углей и понял, что угли «хотят» гореть, но не могут без притока воздуха. Он попросил их принять кислород из воздуха — и угли на миг вспыхнули оранжевым. Айвори похвалила его за нестандартный подход.

Наступил полдень, и все направились на историю Первозданного Слога. Этот урок проходил в Библиотеке — той самой, которую старшекурсники называли «Библиотекой

непроизнесённых эхо». Кира сразу поняла, почему. Библиотека представляла собой исполинский зал, уходящий ввысь на несколько этажей, но вместо стен — ряды стеллажей, которые не стояли на полу, а парили в воздухе, медленно вращаясь вокруг невидимой оси. Книги на них были разных размеров: от огромных фолиантов, прикованных цепями, до крошечных свитков, похожих на мотыльков. Свет исходил от огромных друз кристаллов, вкраплённых в свод. Но самое удивительное — тишина. Она была здесь физически плотной, и каждый шаг отдавался не звуком, а волной тепла или холода.

Магистр Корвин оказался сухоньким старичком с копной седых волос и пронзительно-голубыми глазами. Он передвигался в кресле, которое парило над полом, и говорил тихо, но каждое его слово отпечатывалось в воздухе на мгновение золотистыми письменами, прежде чем растаять.

— История, — начал он без предисловий, — это не список дат. Это дыхание Первозданного Слога, застывшее в памяти мира. Наш мир возник из Единого Слога, который прозвучал в пустоте и сотворил всё сущее. Слог разделился на семь частей — семь нот, семь ветров, семь основ. Каждая цивилизация, каждый народ магов находил свой способ слышать эти ноты. Большинство пошло путём голоса — они выучили слова-отголоски и построили на них великие империи. Но были и те, кто предпочёл слушать молча. Их называли Молчаливками, Тихушниками, иногда — еретиками. Они основали убежища, одно из которых — наша Академия.

Он взмахнул рукой, и из ближайшего стеллажа выплыла книга в кожаном переплёте, раскрылась на середине, и над страницами возникло объёмное изображение: суровые люди в плащах, стоящие среди скал, и над их головами — семь сияющих символов.

— Основателями были семеро: четыре Слушателя, два Видящих и один Тактильный. Они спрятали Академию от мира голосов, чтобы сохранить чистое знание. Они же предсказали, что однажды явится Слушатель Времени — тот, кто сможет коснуться самого течения

Слога и восстановить утраченный Седьмой Слог. Легенда гласит, что этот Слог был потерян, когда древние волшебники в своей гордыне попытались заглушить саму тишину.

У Киры по спине пробежали мурашки. Она снова вспомнила свиток отца и слова Лиама. Значит, она — часть пророчества? Магистр Корвин продолжал, не глядя на неё, но ей казалось, что он обращается именно к ней:

— Седьмой Слог — это Слог Завершения, точка равновесия. Без него мир обречён на вечное колебание между звуком и тишиной. Культ Тишины, о котором вы, возможно, слышали, верит, что нужно полностью заглушить Первозданный Слог, чтобы достичь покоя. Но истинный покой — не в безмолвии смерти, а в гармонии всех семи слогов. Ваша задача, юные Слушатели, — не просто освоить беззвучную магию, но и однажды

услышать этот утраченный Слог и вернуть его в мир.

Повисла глубокая тишина. Даже Майло перестал черкать в блокноте. Талли смотрела на магистра широко раскрытыми глазами. Рэй чуть заметно хмурился.

— А теперь откроем учебники, — неожиданно будничным тоном продолжил Корвин, и напряжение спало. — Тема сегодняшнего занятия: «Эпоха Шепчущих Камней и первые артефакты безмолвия».

Урок истории продлился до самого вечера, но пролетел незаметно. Кира записывала, сколько могла, стараясь не отставать, хотя писать быстро всё ещё было трудно — без голоса её мысли путались, и приходилось сильно сосредотачиваться. Но она заметила, что слова, которые она записывала, начинали слегка мерцать на пергаменте, словно впитывая частицу её искры.

Когда урок закончился и первокурсники, усталые, но возбуждённые, потянулись в гостиную, Линн вдруг задержалась у выхода. Она подошла к Кире и впервые за весь день заговорила с ней по-настоящему. Голос у неё был низкий, с хрипотцой, и она явно с трудом подбирала слова.

— Ты слышишь время, да? — спросила она, глядя в сторону. — Я видела. На церемонии. И сегодня в воде... она показала мне что-то. Про тебя. Про тёмную фигуру, которая охотится за серебряной искрой. Будь осторожна, Кира. Не доверяй тишине.

И быстро ушла, прежде чем Кира успела что-то ответить.

Вечером, после ужина, первокурсникам полагалось время для самостоятельной практики в залах Резонанса. Это были небольшие комнаты, изолированные от внешних шумов магическими барьерами. Стены там были покрыты кристаллическими панелями, отражавшими беззвучную энергию обратно к практикующемуся, что позволяло усиливать слабые импульсы. Кира выбрала дальний зал, самый маленький, и села на пол, скрестив ноги.

Слова Линн не выходили из головы. «Тёмная фигура, охотящаяся за серебряной искрой». Это явно был Культ Тишины. Но почему Линн увидела это в воде? Она ведь Видящая, а вода — стихия Слушателей. Значит, её дар тоже связан с предвидением? Или это вода сама показала ей что-то важное?

Кира тряхнула головой, отгоняя тревожные мысли. Сейчас нужно практиковаться. Она вытянула руку и снова попыталась вызвать искру. Та отозвалась быстро, даже слишком быстро — вспыхнула ярким шариком. Кира попыталась придать ей форму, следуя

указаниям Айвори: представить нить, связавшую искру с дыханием. Искра послушно вытянулась, превратилась в тонкую серебряную струну, задрожала в воздухе. Кира дышала ровно, и струна вибрировала в такт дыханию. Она чувствовала странное единство

с этим маленьким огоньком, словно он был продолжением её существа.

Внезапно струна дёрнулась и указала куда-то вправо. Кира обернулась — в углу комнаты что-то мелькнуло. Тень? Или просто игра воображения? Она поднялась, подошла ближе. В стене была трещина — не природная, а словно прорезанная чем-то острым.

Из трещины тянуло холодом и доносился слабый, неприятный гул, режущий внутренний слух. Кира инстинктивно прижала ладонь к стене рядом с трещиной и попыталась услышать,

что там. И услышала далёкий, монотонный распев, похожий на заупокойную молитву, и слова — не на обычном языке, но каким-то образом понятные: «Тишина

грядёт... Да замолчит Первый Слог... Да прервётся дыхание...»

Кира отдернула руку, сердце бешено застучало. Она попятилась, чуть не споткнувшись о каменный выступ, и вылетела из зала. В коридоре было пусто и тихо, но эта тишина больше не казалась ей дружелюбной. Она побежала в гостиную, подальше от

жуткого шёпота.

В гостиной у камина сидели Талли, Майло и Рэй. Талли что-то увлечённо рассказывала, но, увидев бледное лицо Киры, тут же смолкла.

— Что случилось? Ты как мел, — забеспокоилась она.

Кира приложила дрожащие пальцы к амулету и передала всё, что видела и слышала. Майло нахмурился, отложил блокнот.

— Трещина с холодом и чужим гулом? Это похоже на пробой в защитном поле Академии, — сказал он медленно. — Я читал, что старые чары иногда истончаются. Но зачем кому-то пытаться пробить их именно изнутри?

— Может, это и не изнутри, — тихо произнёс Рэй, и все посмотрели на него. Он впервые за весь день заговорил больше чем на пару слов. Голос у него был спокойный, даже равнодушный. — Я иногда вижу... контуры будущего. И сегодня я видел эту трещину. Она ведёт в Запретное подземелье. Говорят, там похоронены отступники, служившие Культ. Может быть, кто-то хочет их разбудить.

Талли побледнела.

— Надо рассказать наставникам. Айвори или профессору Рид.

— Расскажем, — согласилась Кира через амулет. — Но сначала я хочу сама понять, с чем мы имеем дело. Талли, ты говорила, что вода помнит прошлое. А Линн увидела в ней что-то про охоту на меня. Может быть, вода в Гроуте Тишины покажет больше, если спросить её правильно.

Майло поправил очки.

— Логично. Стихия воды хранит отпечатки событий. Если завтра на уроке или в свободное время нам удастся получить доступ к Чаше или бассейну, мы могли бы попробовать. Но нужна Линн — её дар Видящей может усилить изображение.

— Линн не захочет, — вздохнула Талли. — Она вообще странная. Но может, если объяснить...

— Я поговорю с ней, — передала Кира и почувствовала, как решимость пересиливает страх. Она больше не была одинокой девочкой, которая боится собственного голоса. Здесь, в Академии, у неё появились друзья, и вместе они могли противостоять даже Тьме, крадущейся из глубин.

Ночь опустилась на башни. Кира долго не могла уснуть, вслушиваясь в дыхание спящих подруг и далёкий гул Первозданного Слога, который теперь казался ей не просто фоном, а огромным живым существом, чутко реагирующим на каждую мысль. Где-то в толще скалы что-то скреблось — может, просто мыши, а может, что-то похуже. Она сжала в кулаке напёрсток прабабушки и камешек кварца, и горячая серебряная искра внутри мягко запульсировала в ответ. «Я справлюсь», — подумала она, и эта мысль прозвучала громче любых слов.

Проснувшись Кира от того, что Талли трясла её за плечо. За окном стоял серый, туманный рассвет, и гостиная Слушателей тонула в приглушённом свете. Наскоро одевшись, Кира попыталась унять беспокойство, но вчерашнее открытие — трещина с ледяным шёпотом — не выходило из головы. Амулет на шее охлаждал кожу, словно предупреждая об опасности.

За завтраком Талли, Майло и Рэй переглядывались, но молчали. Линн сидела отдельно, как всегда, и ковыряла ложкой кашу. Кира, набравшись решимости, под села к ней, коснулась амулета и передала простую фразу: «Нам нужно поговорить. О том, что ты видела вчера».

Линн вздрогнула, подняла взгляд. Её светло-серые глаза были уставшими, с тёмными кругами.

— Не здесь, — прошептала она едва слышно. — Сегодня после уроков. В Зале Тысячи Отражений. Там безопасно.

Кира кивнула и вернулась к своему столу. У неё появилась маленькая, но важная зацепка.

Утро началось снова с урока профессора Рид, на этот раз — «Ритмы Первостихий». Занятие проходило на открытой площадке, высеченной в скале над пропастью. Ветер здесь был сильный, но какой-то мягкий, словно он тоже слушался беззвучных приказов.

Профессор учила различать голоса стихий в их естественной среде: ветер пел высокими флейтовыми нотами, камень под ногами гудел басовито, а вода, стекавшая по стенам, звенела серебряными колокольчиками. Кира с удивлением обнаружила, что может не

только слышать эти голоса, но и отличать их «настроение»: сегодня камень был тревожен, вода — печальна, а ветер — взбудоражен.

— Отлично, Кира, — отметила профессор, когда девушка поделилась наблюдением через амулет (к тому времени она научилась посылать короткие мыслеобразы, понятные без слов). — Ты схватываешь на лету. Но будь осторожна: слишком сильная эмпатия со стихиями может привести к тому, что они начнут влиять на твоё состояние, а не наоборот.

После урока первокурсники отправились на «Практикум по работе с артефактами», который вёл магистр Корвин. На этот раз занятие проходило в мастерской — просторном помещении, заставленном верстаками, с полками, уставленными странными предметами: кольцами, светильниками, кусками кристаллов и даже старыми часами, которые шли в обратную сторону. Магистр объяснил, что каждый артефакт хранит в себе частицу Первозданного Слога, заключённую мастером, и задача Слушателей — уметь «пробуждать» их без голоса.

Задание было простым: взять небольшой амулет-светлячок и заставить его светиться. У всех получалось с переменным успехом: у Талли амулет засиял ровным зелёным светом, у Майло — замигал, как неисправная лампа, но потом стабилизировался. Рэй вообще не стал прикасаться к амулету, а просто посмотрел на него, и тот зажёгся глубоким синим цветом. Линн работала молча, и её амулет выдал не свет, а целую серию быстро сменяющихся картинок — каких-то пейзажей, которые тут же гасли.

Кире же амулет дался неожиданно легко. Она поймала внутреннюю искру, направила в кончики пальцев, и амулет вспыхнул серебряным сиянием, да таким ярким, что Корвин прищурился и пробормотал:

— Снова серебро... Любопытно. Обычно чистое серебро означает связь с темпоральными структурами. Мисс Стерлинг, ваш дар определённо связан с временем. Я бы посоветовал вам дополнительно изучить раздел «Хроно-артефакты» в библиотеке.

Кира запомнила это. Возможно, там найдётся что-то про пророчества.

К полудню погода испортилась окончательно: с гор напалз густой туман, скрывший вершины. В Академии зажгли дополнительные кристаллы, и их свет, преломляясь в тумане, создавал причудливые радужные ореолы. Кира воспользовалась перерывом, чтобы найти Зал Тысячи Отражений. Он находился в старой части замка, куда редко заходили ученики. Это была круглая комната, стены которой состояли из множества

зеркальных панелей, но отражали они не внешность, а внутренние образы — страхи, надежды, воспоминания. Говорили, что здесь тренируются Видящие, чтобы научиться отделять видения от реальности.

Линн уже ждала её, стоя спиной к центральному зеркалу. Когда Кира вошла, зеркала на мгновение показали ей собственное отражение — но старше, лет на двадцать, в странной серебристой мантии, с решительным лицом. Потом образ исчез.

— Садись, — сказала Линн беззвучно, но Кира её поняла. Они сели на каменные скамьи друг напротив друга.

— То, что я видела в воде, было не просто предчувствием, — начала Линн, и голос её дрожал. — Это было конкретное видение. Высокая фигура в сером балахоне, лицо скрыто капюшоном. Она тянет руку к серебряной искре — к твоей искре, Кира. И я

слышала слова: «Когда Слушатель Времени войдёт в полную силу, Седьмой Слог пробудится. Мы должны вырвать искру до того, как это произойдёт». Кира, они охотятся за тобой. И я думаю, что трещина, которую ты нашла — это след их проникновения.

Кто-то из Культа уже здесь, в Академии.

Кира похолодела. Она вспомнила вчерашний шёпот из трещины, ледяной холод. Значит, это не просто пробой в защите, а целенаправленная атака? Но как они могли проникнуть сквозь древние чары?

— Почему ты рассказала мне, а не наставникам? — спросила Кира через амулет.

— Потому что я не знаю, кому можно доверять, — прошептала Линн. — Мой дар — видеть скрытое. И я вижу, что в Академии есть человек, который носит маску. Он не тот, кем кажется. Возможно, он и помог Культю проникнуть.

— Кто он? Ты можешь описать?

— Нет. Его аура размыта. Но когда он рядом, мои видения становятся болезненными. Сегодня на уроке артефактов, когда ты взяла амулет, я почувствовала холод — тот же, что от трещины. Кто-то из присутствующих... но не ученик. Может быть, магистр?

Кира вспомнила урок. Там были профессор Рид, магистр Корвин, Айвори не присутствовала. Неужели один из них связан с Культom? Это казалось невыносимым. Но Линн выглядела абсолютно серьёзной.

— Мы должны быть осторожны, — продолжила Линн. — Я попробую ещё раз посмотреть в воду, но мне нужна твоя помощь. Твоя серебряная искра может усилить моё видение и сделать его чётче. Сегодня вечером, в Чаше, когда все уйдут. Ты согласна?

Кира без колебаний кивнула. Страх всё ещё сжимал сердце, но решимость была сильнее. Они договорились встретиться за час до отбоя.

Вечером, после скудного ужина, Кира незаметно отделилась от остальных. Талли она сказала, что идёт в библиотеку, Майло был поглощён каким-то расчётом, а Рэй просто кивнул, словно знал больше, чем показывал.

В Чаше было темно и тихо, только вода в бассейне слабо светилась, отражая звёздный купол. Линн уже ждала, сидя на краю. Она жестом пригласила Киру сесть рядом.

— Дай мне свою руку, — прошептала она. — И вызови искру, но не выпускай её, просто держи на кончиках пальцев.

Кира повиновалась. Она призвала серебряный огонёк, и он задрожал на указательном пальце. Линн взяла её руку и опустила их соединённые ладони в воду. В тот же миг по воде побежали круги, и бассейн превратился в огромный экран, показывающий мутные образы.

Сначала Кира увидела лишь мешанину теней, но постепенно картина прояснилась. Высокая фигура в сером балахоне стояла в подземелье, освещённом багровыми факелами. Перед ней на каменном алтаре лежала древняя книга с серебряной семилучевой звездой на обложке. Фигура подняла руку, и из её пальцев вырвался чёрный луч, ударивший в каменную стену. Стена пошла трещинами, и оттуда хлынул ледяной туман.

— Это уже было, — прошептала Линн, — видишь, трещина, которую ты нашла... это дело их рук. Они пробивают проход изнутри, из подземелий. Но зачем?

Видение сменилось. Теперь они увидели карту Академии, на которой пульсировали семь точек. Одна из них — в центре, там, где находился главный кристалл, была ярче всех. Голос, тот же ледяной шёпот, произнёс: «Семь опор Слога. Если разрушить центральную, щит падёт. И тогда мы войдём и заберём искру».

Видение погасло. Вода стала обычной. Кира и Линн отшатнулись, тяжело дыша. Всё сходилось: трещина, Культ, план разрушить защиту Академии, чтобы добраться до Киры.

— Мы должны немедленно рассказать Айвори, — передала Кира. — Она мой наставник, она должна знать.

— Да, — согласилась Линн. — Но осторожно. Мы не знаем, кто предатель. Может быть, поговорим с ней наедине, вне стен Академии? В Гроте Тишины, например.

Они договорились, что завтра же утром попросят Айвори о частном разговоре.

Вернувшись в гостиную, Кира застала Талли и Майло за странным занятием: они с помощью светящихся нитей (видимо, учебных артефактов) плели какую-то сеть, похожую на ловушку. Рэй наблюдал со стороны, лениво покачивая ногой.

— Что это? — спросила Кира.

— Мы решили, что раз уж тут завёлся враг, нужно защитить нашу гостиную, — ответила Талли. — Майло раскопал в библиотеке схему «Паутины Тишины». Она улавливает любое враждебное намерение и даёт сигнал. Правда, сплести её без слов сложно, но мы тренируемся.

Кира улыбнулась, впервые за долгий день почувствовав, что она не одна. Эти ребята стали ей настоящими друзьями.

Перед сном она долго сидела у окна, глядя на туман, и вдруг заметила внизу, во дворе, две фигуры. Одна — высокая, в развевающейся мантии, вторая — ниже, сгорбленная. Они о чём-то говорили, и хотя Кира не могла расслышать слов, ей показалось, что от одной из фигур исходит слабое свечение, напоминающее отблеск серебра. Может быть, это Айвори и Корвин обсуждают что-то важное? Или... встреча, о которой лучше не знать?

Она отогнала мрачные мысли. Завтра она всё расскажет Айвори, и они вместе разберутся. А пока — спать. Серебряная искра внутри мирно пульсировала, навевая спокойствие.

Утро следующего дня выдалось ясным и холодным. Туман, окутывавший Академию, рассеялся, открыв величественную панораму: зубчатые пики гор, покрытые вечными снегами, сияли в лучах восходящего солнца, а небо над ними было пронзительно-голубым, словно эмаль на старинных миниатюрах. В такие минуты Академия Шепчущих Камней казалась не мрачной твердыней, а воздушным замком, парящим между небом и землёй.

Кира проснулась рано и, одевшись, вышла во двор. Она хотела немного побыть одна, прежде чем идти к Айвори. У центрального кристалла уже собралась небольшая группа

старшекурсников — они сидели прямо на каменных плитах, закрыв глаза и, видимо, медитировали. Кристалл, пульсирующий голубым, теперь, при дневном свете, казался полупрозрачным, и внутри него угадывались тёмные прожилки, словно ветви дерева. От него исходило едва уловимое тепло, и Кира почувствовала, как её собственная искра отзывается на этот ритм, словно второе сердце.

Трапезная встретила её запахом свежего хлеба и можжевельного чая. Столовая была полна учеников, но сегодня все говорили приглушённо, и воздух дрожал от беззвучных сообщений. Талли уже сидела за их столом, рядом с Майло. Завидев Киру, она помахала рукой.

— Мы тут придумали, как усилить Паутину Тишины, — затараторила она, едва Кира села. — Майло нашёл в библиотеке трактат о «Резонансных узорах», и если добавить в плетение частицу горного хрусталя...

Майло поправил очки, которые вечно сползали на кончик носа. Его рыжие вихры торчали во все стороны, а на щеке чернело пятнышко сажи — видимо, опыты с углями

не прошли даром. Он был одет в безупречно отглаженную мантию, но на локте уже красовалась свежая дыра с опалёнными краями.

— Теоретически, — перебил он Талли, — хрусталь может аккумулировать беззвучную энергию и создавать стоячую волну, чувствительную к диссонансу. Если кто-то с враждебными намерениями пересечёт контур, волна схлопнется и издаст неслышимый, но ощутимый сигнал. Проблема в том, чтобы настроить её именно на враждебность, а не на любое резкое движение. Я пытался рассчитать формулу, но нужен эталонный образец...

Кира улыбнулась, глядя на их энтузиазм. Талли, покрасневшая, с выбившимися из кос прядями, напоминала взъерошенного воробья. Её большие карие глаза блестели,

а на подбородке виднелась крошка от булочки. Она жестикулировала, и рукава мантии задирались, открывая запястья, унизанные самодельными фенечками из цветных ниток — видимо, ещё с дома.

— Я могу дать вам кусочек кварца, — передала Кира через амулет. — Он заряжен моей искрой. Может, подойдёт как эталон?

Майло просиял:

— Превосходно! Если в нём остался отпечаток твоей серебряной энергии, это идеальный детектор для... ну, для всего, что связано с тобой. Спасибо, Кира!

После завтрака Кира разыскала Линн. Та стояла у витража в коридоре, ведущем к башне Видящих. Витражи в Академии были особенные: они не просто пропускали свет,

но и показывали сцены из прошлого — сегодня на разноцветных стёклах плыли силуэты древних магов, возводящих стены школы. Линн смотрела на них, но взгляд её был отсутствующим.

При свете дня Кира лучше разглядела её. Линн была высокой и худощавой, с резкими, словно вырезанными из кости, чертами лица. Светлые, почти белые волосы, прямые и гладкие, спадали до пояса. Кожа её была бледной, с едва заметной голубоватой сеткой сосудов на висках, а губы — бледно-розовыми, всегда плотно сжатыми. Но самое примечательное — её глаза. Они были не серыми и не голубыми, а какого-то странного, лилового оттенка, словно выцветшие аметисты. И в них читалась такая глубина, что становилось не по себе. Казалось, она видит не только то, что перед ней, но и слои прошлого и будущего, наложенные друг на друга.

— Нам пора, — коротко сказала Линн, не оборачиваясь.

Они отправились в Грот Тишины, надеясь застать Айвори одну. Грот находился на нижнем ярусе, в самом сердце скального массива. Спускаться туда пришлось по узкой винтовой лестнице, стены которой покрывали лишайники, светящиеся мягким бирюзовым светом. Воздух становился всё более влажным и прохладным, пахло сырым камнем и чем-то терпким — не то мятой, не то полынью. Наконец лестница вывела их в знакомую круглую пещеру.

Грот Тишины сегодня выглядел особенно торжественно. Цилиндрические каменные столбы, увитые толстыми канатами мха, поднимались к потолку, где зияло естественное отверстие, сквозь которое пробивался столб дневного света, падавший прямо на алтарный камень в центре. Стены были покрыты многослойными наплывами минералов — розового кварца, зелёного малахита и тёмно-синего лазурита, образующими причудливые узоры. В неглубоких нишах стояли чаши с водой, песком, углями и кристаллами. Вода в чашах слабо светилась, песок едва заметно перетекал, словно живой, угли мерцали алыми искрами, а кристаллы тихо звенели в унисон.

Айвори уже ждала их, сидя на низком каменном выступе. Она была без своего посоха — он стоял прислонённым к стене, и теперь наставница казалась менее строгой, более земной. Кира впервые смогла подробно рассмотреть её лицо. Айвори была немолода, но возраст выдавали не столько морщины, сколько выражение глаз — глубоких, цвета морской волны, обрамлённых сеточкой тонких лучиков. Волосы, заплетённые сегодня в свободную косу, оказались не чисто седыми, а словно припорошенными инеем — серебряные пряди чередовались с тёмно-русыми. Черты лица были строгими: высокий лоб, прямой нос, чётко очерченные скулы. Но когда она улыбнулась, лицо преобразилось, стало мягким, почти материнским.

— Я ждала вас, — произнесла она, и голос её прозвучал одновременно и в ушах, и где-то глубоко внутри. — Садитесь.

Кира и Линн опустились на циновки напротив наставницы. Кира приложила руку к амулету и начала передавать всё, что они узнали: трещину, шёпот, совместное видение в воде, план

Культа разрушить центральный кристалл и похитить её искру. Линн добавила, что чувствует присутствие предателя в Академии, но не может определить, кто это.

Айвори слушала, не перебивая. Её глаза, казалось, видели нечто большее, чем просто двух взволнованных учениц. Когда Кира закончила, она долго молчала, потом поднялась и подошла к центральному камню.

— То, что вы рассказали, очень серьёзно, — произнесла она наконец. — И я должна кое-что вам показать. Идите за мной.

Она взяла посох и направилась к дальней стене Грота. Там, за нагромождением сталактитов, скрывался узкий проход, которого Кира раньше не замечала. Айвори коснулась посохом камня, и проход расширился, открывая тёмный коридор, уходящий в глубь горы. Они двинулись внутрь.

Коридор освещался редкими кристаллами, вкраплёнными в стены, но их света едва хватало, чтобы различать дорогу. Пол под ногами был неровным, отполированным тысячами шагов. Воздух здесь был ледяным и неподвижным, пропитанным запахом древности. Наконец коридор вывел их в небольшую круглую залу, в центре которой на

каменном постаменте покоился старинный фолиант в переплёте из тёмной кожи с серебряными застёжками. Рядом, в стеклянных витринах, были разложены артефакты: кольца, амулеты, свитки и какие-то непонятные приборы.

— Это Хранилище Основателей, — тихо сказала Айвори. — Здесь хранятся самые ценные реликвии Академии. И здесь же содержится ключ к пониманию того, что задумал Культ.

Она открыла фолиант. Страницы его были сделаны из тончайшего пергамента, и текст светился золотом. Айвори перевернула несколько листов и остановилась на развороте, где была изображена карта — трёхмерная проекция, парящая над страницей. Карта показывала Академию в разрезе, со всеми её подземельями и тайными ходами. Семь точек на карте пульсировали разными цветами, а центральная — самая крупная — сияла ровным голубым.

— Семь опор Слога, — пояснила Айвори. — Каждая из них — это мощный артефакт, заложенный ещё Основателями в толще скалы. Вместе они создают барьер, который не позволяет внешним силам проникнуть в Академию. Но если одну из опор разрушить, барьер падёт. Центральная опора находится прямо под главным кристаллом во дворе.

Если Культ доберётся до неё...

— То они смогут войти, — закончила Кира. — И тогда они попытаются забрать мою искру.

Айвори кивнула.

— Твоя искра, Кира, уникальна. Она несёт в себе частицу Седьмого Слога — того самого, утраченного. Именно поэтому ты можешь касаться времени. И именно поэтому ты нужна Культуре Тишины: они хотят не просто украсть искру, они хотят с её помощью заглушить Первозданный Слог окончательно. Тогда мир погрузится в вечную, неподвижную тишину.

— Но почему они до сих пор не напали? — спросила Линн. — Ведь трещина уже есть, они могли бы...

— Потому что им нужна не просто искра, а пробуждённая искра, достигшая полной силы, — ответила Айвори. — Ты, Кира, пока только начинаешь обучение. Твоя сила растёт, и когда она достигнет пика, тогда-то они и нанесут удар. Но у нас есть время подготовиться. И есть союзники.

Она закрыла фолиант и повернулась к девочкам.

— Я давно подозревала, что в Академии есть шпион. Но доказательств не было. Теперь, благодаря вам, у нас есть зацепка. Нужно действовать осторожно. Я сообщу директору Хейзелвуд, но так, чтобы не спугнуть предателя. А вы, девочки, продолжайте наблюдать и тренироваться. И помните: никому не доверяйте полностью, кроме друг друга.

Она взяла с одной из полок небольшой кулон — каплевидный камень молочно-белого цвета, оправленный в серебро, — и протянула Кире.

— Это лунный амулет. Он усиливает связь с Первозданным Слогом и может предупредить об опасности. Носи его, не снимая. А тебе, Линн, я даю вот это. — Айвори достала из витрины маленький хрустальный шар на цепочке. — Это «Зеркало Истины». Оно показывает скрытое на несколько мгновений. Пользуйся им, если почувствуешь рядом ложь.

Девочки приняли подарки. Кире показалось, что лунный камень в её ладони тихо замурлыкал, как живой. Она надела кулон на шею, и тот сразу же нагрелся, словно признал хозяйку.

— А теперь идите, — сказала Айвори. — И помните: вы не одни. Но осторожность превыше всего.

Они покинули Хранилище, и тяжёлая каменная дверь закрылась за ними с глухим стуком. Подъём по лестнице показался Кире бесконечным — в голове роились мысли. Но теперь у неё было не только предчувствие беды, но и конкретное знание и поддержка наставницы.

День продолжился уроками. На «Истории Первозданного Слога» магистр Корвин устроил практическое занятие: он водил первокурсников по старым галереям, показывая древние барельефы и фрески, и просил «услышать» историю, запечатлённую в камне. Кира, прикоснувшись к одному из барельефов, изображавшему процессию магов, вдруг увидела — не глазами, а внутренним зрением — тот самый момент, когда Основатели

закладывали первую опору. Это было величественное зрелище: семь фигур в сияющих мантиях стояли вокруг котлована, и из их соединённых рук изливался поток чистой энергии, формируя кристаллическую колонну.

— Замечательно, — прокомментировал Корвин, когда она поделилась видением. — У вас действительно редкий дар, мисс Стерлинг. Но помните: прошлое — это не только картинки, это ещё и эмоциональный отпечаток. Не позволяйте ему захватить вас.

После обеда Кира, Талли и Майло отправились в библиотеку. Им нужно было найти информацию о Хроно-артефактах и, возможно, о способах усиления защиты. Библиотека произнесённых эхо встретила их всё той же густой, осязаемой тишиной. Сегодня здесь было многолюднее: за длинными столами сидели старшекурсники, перед

ними парили книги, и страницы перелистывались сами собой. Свет от кристаллов падал мягкими пятнами на пол, выложенный мозаикой из разноцветного мрамора.

Библиотекарь, сухонький старичок по имени мистер Буккер, оказался обладателем огромных залысин и ещё более огромных очков в толстой роговой оправе, которые делали его глаза неправдоподобно большими. Он передвигался бесшумно в войлочных тапочках и говорил исключительно мысленно. Узнав, что нужно первокурсникам, он оживился и сам вызвался помочь.

— Хроно-артефакты, хроно-артефакты... — забормотал он, и над его головой закружились образы книжных полок. — Секция «Темпоральная магия», третий ярус, стеллаж семь, полка четыре. Но будьте осторожны: некоторые книги там... своенравные.

Они поднялись на третий ярус по витой лестнице, которая звенела при каждом шаге.

Нужный стеллаж оказался в самом дальнем углу, освещённом лишь одиноким кристаллом. Книги здесь были старыми, в тяжёлых кожаных переплётах с металлическими углами. Некоторые из них, едва к ним прикасались, начинали дрожать и издавать низкое гудение. Талли, протянувшая руку к одному из фолиантов, вдруг отдернула её с визгом — книга укусила её! На тыльной стороне ладони проступили красные точки, словно от иголок.

— Я же предупреждал, — раздался за спиной голос мистера Буккера. — Они своенравные.

В конце концов им удалось извлечь на свет несколько трактатов: «О природе времени и способах его осязания», «Хроно-артефакты древних цивилизаций» и «Седьмой Слог: миф или

реальность?». Последнюю книгу Кира схватила с особенным трепетом. Она была небольшой, в потёртой обложке, но от неё исходило такое тепло, что ладони сразу согрелись.

Они устроились за столом в углу. Майло погрузился в расчёты, Талли рисовала схемы плетения Паутины, а Кира читала о Седьмом Слоге. В книге говорилось, что Слог этот был утрачен много тысячелетий назад в результате Великой Войны Звука и Тишины. И что вернуть его может лишь тот, кто способен слышать время и соединить в себе все семь изначальных вибраций. И ещё там была одна фраза, от которой у Киры перехватило

дыхание: «Когда Слушатель Времени обретёт полноту, мироздание треснет, и из трещины родится новое Созвучие». Она не стала делиться этой находкой с друзьями, только крепче сжала лунный амулет под мантией.

Вечером, перед отбоем, все четверо снова собрались в гостиной. Рэй, сидя в кресле, рисовал что-то на клочке пергамента, и на его лице блуждала загадочная полуулыбка. Кира заметила, что он никогда не расстаётся с маленьким медным компасом на цепочке — наверняка какой-то семейный артефакт. Рэй был загадкой: он редко говорил, но всегда оказывался рядом в нужный момент. Его внешность тоже была необычной: чёрные, как смоль, волосы, зачёсанные назад, открывали высокий лоб; глаза — тёмные,

почти чёрные, слегка раскосые, с вечной искринкой иронии; тонкие пальцы с длинными ногтями, которыми он часто постукивал по столу.

— Я закончил базовую схему Паутины, — объявил Майло, водружая на стол спутанный моток серебряных нитей. — Сейчас главное — напитать её энергией Киры. Тогда она будет реагировать именно на угрозу в её адрес.

Талли захлопала в ладоши:

— Давай попробуем! Кира, можно твою искру?

Кира кивнула, вызвала серебряный огонёк и осторожно поднесла его к сети. Нити засияли, натянулись, и по ним побежали волны света. Паутина заискрилась, а потом стала невидимой, растворившись в воздухе. Но каждый из них чувствовал её присутствие — лёгкое покалывание на коже, словно незримый кокон окутал гостиную.

— Сработало! — воскликнула Талли. — Теперь мы сможем спать спокойно.

Кира улыбнулась, но полной уверенности не было. Она знала: враг хитёр и умеет прятаться. Но сейчас, в кругу друзей, с новыми амулетами и знаниями, она чувствовала, что у них есть шанс.

Ночь опустилась на Академию, и звёзды зажглись над скалами, словно серебряные искры на чёрном бархате. Где-то в глубине горы что-то глухо стучало — может быть, эхо далёких молотов гномов, а может, сердце самой земли. И Кира, засыпая в своей постели, снова услышала Первозданный Слог — теперь он звучал яснее, и в нём угадывались новые, ещё не слышанные ранее обертоны. Седьмой Слог где-то там, близко...

Глава 3. Шёпот в темноте

Кира проснулась от того, что пол под кроватью дрогнул. Не трянуло, нет — просто на миг перестал быть твёрдым, стал вязким, как глина. А потом — гул. Не звук, а дрожь, которая прошла сквозь позвоночник и застряла где-то в зубах. Сердце ударило в рёбра так сильно, что она услышала собственный пульс. Лунный амулет на шее раскалился, хотя внешне оставался холодным. В комнате было темно, только слабый свет звёзд пробивался сквозь высокое окно, рисуя на каменном полу серебристые квадраты.

Талли зашевелилась на соседней кровати, приподнялась на локте:

— Ты тоже почувствовала?..

Кира уже не нуждалась в амулете, чтобы передать ответ — она просто посмотрела на подругу, и
Талли поняла без слов: «Да. Паутина сработала».

Линн, спавшая на дальней кровати, села, и в темноте её лиловые глаза мерцали, как два маленьких фонарика. Она молча накинула мантию. Все трое, не сговариваясь, выскользнули в общую гостиную.

Там уже горел камин — сам собой, без чьего-либо приказа. Оранжевые блики плясали на каменных стенах, заставляя тени корчиться в странных танцах. В кресле у огня сидел Рэй, его чёрные волосы были взъерошены, а в руках он вертел свой медный компас. Майло стоял у стола, склонившись над схемой Паутины. Его рыжие вихры торчали во все стороны, очки сползли на кончик носа, а в пальцах дрожал пергамент с расчётами.

— Она зафиксировала вторжение, — произнёс он, не поднимая глаз. — Кто-то пытался пересечь контур. В восточном крыле, на уровне подземелий. Но сигнал... странный. Он не враждебный, а скорее... вопрошающий. Как будто кто-то проверял защиту на прочность.

— Или прощупывал дорогу, — мрачно добавила Линн. — Я чувствовала это даже во сне. Холод, ползущий по полу. И чей-то голос. Он звал тебя, Кира. По имени.

Киру передёрнуло. Она плотнее запахнула мантию, хотя в гостиной было тепло. Ей не нужно было спрашивать, кто мог произносить её имя в темноте подземелий. Культ Тишины начинал действовать.

— Завтра же расскажем Айвори, — твёрдо сказала Талли. — А сейчас надо попытаться уснуть. Завтра трудный день.

Все согласились, но Кира знала, что уснуть уже не сможет. Она села у окна, глядя на звёзды, и сжимала в кулаке лунный амулет. Внутри неё серебряная искра пульсировала тревожно, словно предупреждая о чём-то.

Утро началось с необычного объявления. За завтраком директор Хейзелвуд лично спустилась в трапезную — случай редчайший, потому что обычно она не покидала свою башню в часы приёмов пищи. Все ученики мгновенно затихли, даже старшекурсники, которые обычно игнорировали происходящее вокруг. Директор была одета в мантию перламутрового цвета, которая переливалась всеми оттенками утреннего неба. Серебряные волосы, заплетённые в корону вокруг головы, казались жидким металлом. Глаза — серые, пронзительные, видели каждого насквозь.

— Дорогие ученики, — заговорила она, и голос её, мелодичный и властный, разносился без всяких усилий. — Сегодня ночью защитные чары Академии зафиксировали несанкционированное проникновение на нижние уровни. Пока нет причин для паники, но мы вводим усиленный режим безопасности. Все занятия будут проводиться только в главных корпусах. Подземелья, восточное крыло и старая часть замка объявляются закрытыми для посещения. Прошу всех соблюдать осторожность и немедленно сообщать наставникам о любых подозрительных явлениях.

Ученики зашептались — кто вслух, кто беззвучно. Кира, Талли, Майло, Рэй и Линн переглянулись. Они знали чуть больше остальных, и от этого было только тревожнее. После завтрака Кира всё же нашла возможность переговорить с Айвори. Наставница ждала её в Гроте Тишины — очевидно, тоже знала о ночном инциденте.

— Я уже в курсе, — сказала она, едва Кира переступила порог. — Паутина, которую вы сплели, — очень полезный артефакт. Благодаря ей мы знаем, что Культ начал прощупывать защиту. Но пока они не могут пройти. Им нужно что-то ещё. Возможно, артефакт, который находится внутри Академии и который мы пока не выявили.

— Что я могу сделать? — спросила Кира через амулет.

— Продолжать учиться. Твоя сила растёт с каждым днём. Чем быстрее ты овладеешь своим даром, тем труднее им будет тебя достать. Сегодня у тебя урок «Глубинного слушания» с профессором Рид. Это сложная техника, но она поможет тебе лучше контролировать время. А ещё... — Айвори замаялась, словно решая, говорить или нет. — В библиотеке, в запретной секции, есть книга, которая называется «Хроника Последнего Безмолвия». В ней описана история

падения предыдущего Слушателя Времени — того, кто жил за триста лет до тебя. Возможно, там ты найдёшь ответы, как противостоять Культуре. Но доступ в запретную секцию есть только у старшекурсников...

— Я найду способ, — перебила её Кира мысленно.

Айвори вздохнула, но кивнула.

Урок «Глубинного слушания» проходил в новом месте — в так называемой «Акустической Шахте». Это была вертикальная пещера, уходящая вниз на многие десятки метров, и на её стенах были высечены спиральные лестницы и балкончики, где могли стоять ученики. Профессор Рид привела туда только четверых Слушателей первого курса: Киру, Талли, Майло и ещё одного мальчика по имени Оскар — застенчивого брюнета с вечно испуганным выражением лица, о котором Кира почти ничего не знала. Оскар носил маленькие круглые очки в тонкой золотой оправе, которые постоянно сползали на нос, и имел привычку тереть мочку уха, когда нервничал. Его мантия всегда была чуть велика, рукава свисали, скрывая ладони, и это придавало ему вид нашкодившего школьника.

Профессор Рид объяснила задание: нужно было спуститься на дно шахты, где лежал древний каменный диск, и, прикоснувшись к нему, услышать эхо событий, происходивших на этом месте сотни лет назад. Но главное — не просто услышать, а «поймать» временную нить и проследить её до источника.

— Это упражнение опасно для тех, кто не уверен в своей искре, — предупредила Рид. — Вы можете затеряться в чужом прошлом. Поэтому работаем только по одному и со страховкой.

Первым вызвался Оскар. Он спустился по винтовой лестнице вниз, его шаги гулко отдавались в каменном мешке. Дойдя до диска, он положил на него ладони и закрыл глаза. Прошло несколько томительных минут, но ничего не происходило. Потом Оскар вдруг отдернул руки, словно обжёгся, и отшатнулся. По шахте пронёсся низкий, тоскливый вой.

— Что ты видел? — спросила Рид, когда он вернулся.

— Темноту, — пробормотал Оскар, дрожа. — И чей-то плач. Очень старый. Кто-то здесь умер... давно.

Профессор кивнула с сочувствием и сделала пометку в своём журнале.

Следующей была Талли. Она спускалась, стараясь не смотреть в бездонную тьму под ногами. Дойдя до диска, она прикоснулась к нему, и почти сразу же по шахте разнёсся мелодичный перезвон. Талли улыбнулась — она явно слышала что-то приятное. Позже она рассказала, что видела процессию магов, которые несли светящийся шар, и слышала пение, от которого становилось тепло.

Майло спустился третьим. Его опыт был коротким, но очень точным: он услышал ритмичные удары, похожие на работу огромного механизма, и сказал, что диск — часть древнего устройства, которое до сих пор функционирует.

Настала очередь Киры. Она глубоко вздохнула и начала спуск. Ступени лестницы были скользкими от влаги, стены покрывал зеленоватый мох, светящийся слабым фосфоресцирующим светом. Воздух становился всё холоднее, и Кире чудилось, что она погружается не в каменную шахту, а в океанскую впадину. Наконец, её ноги коснулись дна. Здесь, в центре, лежал диск — огромный, метра три в диаметре, вырезанный из цельного куска чёрного обсидиана с серебряными прожилками. Поверхность его была идеально гладкой, и в ней отражался слабый свет, падающий сверху.

Кира опустила на колени и положила обе ладони на холодный камень.

В тот же миг мир перевернулся. Она больше не была в шахте. Она стояла посреди огромного зала, заполненного тенями, которые металась в багровом свете факелов. В центре зала возвышался алтарь, а на нём лежала та самая книга с семилучевой звездой, которую она видела в видении с Линн. Вокруг алтаря стояли фигуры в серых балахонах с низко надвинутыми капю-

шонами, и они тянули руки к книге, из которой вырывался столб чёрного дыма. И звучал тот самый ледяной шёпот: «Тишина грядёт... Да замолчит Первый Слог...»

Но теперь Кира видела больше. Одна из фигур стояла в стороне, и её капюшон был откинут. Это была женщина с длинными чёрными волосами и бледным, словно выточенным из кости, лицом. Глаза её горели фанатичным огнём, а на шее висел точно такой же лунный амулет, как у Киры. Только её амулет был треснут и источал тьму. Женщина повернулась и посмотрела прямо на Киру. Их взгляды встретились, и Кира почувствовала, как в её сознание врывается чужая воля, холодная и безжалостная. Женщина усмехнулась и произнесла — без голоса, но слова отпечатались в мозгу Киры, как клеймо: «Ты будешь моей. Искра вернётся к своей хозяйке.»

Кира закричала беззвучно, рванулась назад — и очнулась на холодном полу шахты. Над ней склонилась профессор Рид, встревоженная. Оказалось, что она пролежала без сознания всего несколько секунд, но ей показалось, что прошла вечность.

— Что ты видела? — спросила Рид, помогая ей подняться.

Кира, всё ещё дрожа, передала видение. Профессор выслушала молча, и лицо её омрачилось.

— Это очень серьёзно, — сказала она тихо, чтобы другие не слышали. — Ты видела Морвену — Верховную Жрицу Культа Тишины. Она действительно существовала триста лет назад и была Слушателем Времени, как и ты. Но она предала своё призвание и попыталась заглушить Первозданный Слог. Её остановили Основатели, но уничтожить до конца не смогли. Говорят, её дух до сих пор блуждает в подземельях Академии. Похоже, Культ хочет не просто украсть твою искру, а вернуть Морвену к жизни, используя тебя как проводника.

Кире стало дурно. Она поняла, почему лунный амулет на шее раскалился — он почуял родственную, но искажённую силу.

Урок закончился раньше времени. Кира вернулась в гостиную и долго сидела, не в силах ни с кем говорить. Талли и Майло пытались расспросить, но она лишь качала головой.

После полудня Кира решила, что ей обязательно нужно попасть в запретную секцию библиотеки. Линн вызвалась помочь. У неё, как у Видящей, был доступ в некоторые закрытые зоны, но для входа в запретную секцию требовался специальный пропуск — кристалл, который был только у наставников.

— Я могу попробовать создать иллюзию, — предложила Линн. — Я недавно научилась проецировать образы так, что даже зачарованные замки их не распознают. Но мне нужен образец пропуска, чтобы скопировать его ауру.

— Где же его взять? — спросила Кира.

— У Айвори, — ответила Линн просто. — Она нам доверяет.

Кира колебалась, но потом согласилась. Они нашли Айвори в Хранилище Основателей, и наставница, выслушав их просьбу, неожиданно согласилась.

— Я дам вам пропуск, но с одним условием: вы возьмёте с собой «Зеркало Истины», которое я дала Линн, и будете смотреть на каждую книгу, прежде чем её открыть. В запретной секции есть фолианты, которые могут причинить вред. И ещё: запомните, что прочтёте, но книгу не выносите. Она должна остаться на месте.

Она протянула Кире небольшой кристалл тёмно-фиолетового цвета, который светился изнутри. Кира сжала его в ладони, чувствуя покалывание магической энергии.

После ужина, дождавшись, пока все разойдутся, Кира и Линн отправились в библиотеку.

Ночная библиотека выглядела совсем иначе. Днём она была полна света и жизни, сейчас же тонула в глубоком полумраке, и только редкие кристаллы мерцали, словно сонные светлячки. Стеллажи, которые днём парили в воздухе, сейчас опустились и стояли на полу, образуя узкие проходы, похожие на лабиринт. Тишина была такой плотной, что, казалось, её можно

резать ножом. Шаги девочек гасились толстым ковром из мха, который рос прямо на каменных плитах.

Они прошли в дальний конец лавного зала, туда, где за аркой начинался спуск в запретную секцию. Арка была увита колючей лозой, которая чуть светилась багровым, и над ней висела табличка: «Только для старшекурсников и магистров. Нарушители будут наказаны».

Линн достала свой кулон — «Зеркало Истины» — и прикоснулась им к замку на решётке, преграждавшей путь. Кулон вспыхнул, и решётка медленно отодвинулась. Кира вставила кристалл-пропуск в специальное отверстие, и створки разошлись полностью.

Они вошли. Запретная секция оказалась не такой большой, как ожидала Кира. Это была круглая комната, стены которой были уставлены книгами в тяжёлых оковах, некоторые были прикованы цепями к полкам. В центре стоял пюпитр с раскрытой книгой, страницы которой перелистывались сами собой, хотя сквозняка не было. Над пюпитром висел тусклый светильник в виде черепа, из глазниц которого вырывались язычки синего пламени.

— Жутковато, — прошептала Талли, которая увязалась за ними, несмотря на запреты. (Она спряталась за стеллажом и вышла, когда они уже вошли). — Кира, я с тобой. Мало ли что.

Кира благодарно кивнула.

Они начали искать «Хронику Последнего Безмолвия». Линн водила «Зеркалом Истины» вдоль корешков, проверяя, нет ли на них тёмных чар. Несколько книг отозвались красными всполохами, и их обошли стороной. Наконец, в самом тёмном углу, Кира увидела нужную книгу. Она была большой, в переплёте из чёрной кожи с серебряными углами, и от неё исходило то же тепло, что и от лунного амулета. На корешке тускло светилась надпись: «Хроника Последнего Безмолвия».

Кира осторожно сняла книгу с полки и положила на свободный пюпитр. Страницы были покрыты мелким, убогим почерком, но, когда она прикоснулась к ним, текст начал перестраиваться, становясь понятным. Это была история Морвены.

Она читала вслух (точнее, Талли читала, потому что Кира передавала мыслеобразы, а Талли озвучивала для Линн):

— «Морвена из рода Айсблад, Слушатель Времени, родилась в год Затмения Трёх Лун. Дар её был столь велик, что она могла останавливать время на целые минуты, путешествовать в прошлое и видеть вероятные будущее. Но гордыня овладела ею. Она решила, что мир несовершенен в своём звучании и что тишина предпочтительнее какофонии. Она заключила союз с сущностями Бездны и попыталась заглушить Первозданный Слог, чтобы навязать миру вечный покой. Семь Основателей встали против неё. Они не смогли уничтожить её искру, но сумели запереть её дух в подземельях Академии и разорвали связь между ней и Седьмым Слогом. С тех пор искра

её блуждает неприкаянной, ища нового носителя. И сказано в пророчестве: когда родится новый Слушатель Времени с серебряной искрой, Морвена попытается вернуться и завершить начатое...»

— Значит, я для неё — новый носитель? — прошептала Кира. Ей стало страшно. Но Талли положила руку на её плечо:

— Ты не одна. И мы не дадим ей тебя забрать.

Линн, которая всё это время молча сканировала комнату, внезапно напряглась.

— Тихо! — прошептала она. — Здесь кто-то есть. Я чувствую чужую ауру.

Они замерли. В тишине послышался тихий шорох, доносившийся из дальнего угла. Потом раздался низкий, скрипучий голос — не голос даже, а вибрация:

— Умные девочки... слишком умные. Но вы опоздали. Моя госпожа уже знает о вас.

Из тени вышел... нет, не человек. Это была фигура, сотканная из тьмы и ключев тумана, с двумя горящими красными точками вместо глаз. Она двигалась бесшумно, оставляя за собой следы инея на полу.

— Теневой призрак! — воскликнула Линн. — Это слуга Культа! Кира, беги!

Но Кира не побежала. Она вспомнила уроки Айвори: призрак питается страхом и тьмой, но его можно развеять чистым светом. Она выбросила вперёд руку, призвала всю свою искру, представила, как серебряное пламя охватывает фигуру. С её ладони сорвался ослепительный луч и ударил в призрака. Тот заверещал, съёжился, но не исчез. Он только попятился.

— Твоя искра сильна, но ты не умеешь ею владеть, — прошипел он. — Госпожа научит...

И он растворился в воздухе, оставив лишь запах озона и холод.

Девочки, тяжело дыша, переглянулись. Надо было срочно уходить. Они вернули книгу на место и, крадучись, выбрались из запретной секции. На выходе из библиотеки их ждал Рэй. Он стоял, прислонившись к колонне, и вертел свой компас.

— Я знал, что вы здесь, — сказал он своим обычным ленивым тоном. — У меня видение было: Тень в библиотеке и серебряная вспышка. Вы в порядке?

— Да, — ответила Кира. — Но мы узнали много нового.

Они вернулись в гостиную Слушателей. Там уже собрались Майло и Оскар. Майло, увидев их лица, тут же начал расспрашивать. Кира через амулет передала всё, что они узнали: про Морвену, про призрака, про пророчество.

— Это плохо, — сказал Майло, потирая подбородок. — Если они уже могут посылать теневых призраков в Академию, значит, их силы растут. Надо усилить Паутину. И подготовить контрзаклинание против тьмы.

— Я помогу, — тихо сказал Оскар. Все посмотрели на него с удивлением. — Моя искра... она странная. Я могу поглощать звуки. Делать их тише или совсем убирать. Это

вроде как анти-Слушатель. Но, может быть, это пригодится против тех, кто несёт тишину?

Кира ободряюще кивнула. Теперь их компания расширилась. Оскар, хоть и был тихим, мог стать ценным союзником.

Оставшуюся часть вечера они провели в гостиной, разрабатывая план защиты. Майло и Оскар работали над модификацией Паутины, Талли рисовала схемы, а Рэй тихо сидел у камина и иногда вставлял замечания, которые почему-то всегда оказывались прозорливыми. Линн пыталась с помощью «Зеркала Истины» просканировать гостиную на предмет скрытых угроз. Кира же тренировалась управлять искрой — она пыталась научиться останавливать время хотя бы на несколько секунд, чтобы в случае опасности иметь преимущество.

К полуночи, усталые, но полные решимости, они разошлись по спальням. Кира снова долго лежала без сна, вглядываясь в темноту. Лунный амулет мягко светился, успокаивая. Она знала, что главная битва ещё впереди. Но теперь у неё были не только

страх и вопросы, но и друзья, и цель. Она не даст Морвене вернуться. Она не позволит

Культу украсть её искру. Она станет настоящим Слушателем Времени и найдёт Седьмой Слог.

Где-то в глубине скалы снова раздался глухой стук, и Кира вдруг поняла: это не молоты гномов. Это бьётся сердце самой горы, и оно зовёт её. Завтра новый день, и новые испытания. А пока — спать.

Сон пришёл к Кире не сразу. Сначала она лежала, прислушиваясь к дыханию Талли и Линн, к далёкому гулу горы, к собственному сердцебиению. Но как только веки отяжелили и сознание начало уплывать, перед ней снова возник образ той женщины из видения — Морвены. Только теперь она не стояла у алтаря, а сидела в кресле, похожем на трон, вырезанный из чёрного обсидиана. Её чёрные волосы струились по плечам, а бледное лицо, красивое и одновременно отталкивающее, выражало холодное торжество.

— Ты прочитала мою хронику, — произнесла Морвена без голоса, но Кира услышала её внутри себя. — Значит, ты знаешь, что я не умерла. Я ждала три сотни лет, и наконец-то появился сосуд, достойный моей искры. Ты, Кира Соболева, станешь мной.

— Никогда! — беззвучно крикнула Кира и попыталась проснуться, но сон держал крепко.

— Не сопротивляйся, — Морвена усмехнулась. — Твоя искра уже наполовину моя. Лунный амулет на твоей шее — он ведь был создан мной. Я специально оставила его в Хранилище, чтобы ты взяла его. Он не защищает тебя, он усиливает нашу связь.

Кира инстинктивно схватилась за кулон. Тот действительно потеплел, но не обжигал. Неужели правда? Она вспомнила слова Айвори: «Он усиливает связь с Первозданным Слогом». Но если амулет был создан Морвеной, значит, он может работать иначе.

— Чувствуешь? — продолжала Морвена, подавшись вперёд. — Каждую ночь, когда ты спишь, я буду приходить и забирать частицу твоей силы. А когда наступит Затмение Трёх Лун — а оно случится через месяц — я полностью завладею твоим телом. И тогда Седьмой Слог замолчит навсегда.

Кира снова попыталась вырваться. На этот раз ей удалось призвать серебряную искру — даже во сне. Она представила, как свет заливают тронный зал, и Морвена отпрянула, закрывая лицо.

— Ты сильнее, чем я думала, — прошептала она. — Но этого недостаточно. До встречи, моя преемница...

И Кира проснулась. За окном брезжил серый рассвет. Сердце колотилось так, словно она пробежала несколько километров. Амулет на шее был ледяным. Она рывком сняла его и хотела отбросить, но передумала. Если он действительно связан с Морвеной, то может стать ключом к разгадке. Но носить его больше нельзя.

Она встала и подошла к столу, где лежали её вещи. Прабабушкин напёрсток, камешек кварца, свиток отца. Кира взяла напёрсток и аккуратно вложила амулет внутрь. Серебряный напёрсток, хранивший тепло пяти поколений, вдруг слабо засиял. Он словно нейтрализовал тёмное влияние. Кира вздохнула с облегчением: женская магия рода оказалась сильнее чар Морвены. Она надела напёрсток на цепочку вместо амулета, и на сердце стало спокойнее.

За завтраком она рассказала друзьям о ночном видении. Линн тут же просканировала напёрсток с помощью «Зеркала Истины» и подтвердила, что амулет действительно был источником связи с Морвеной, но сейчас его сила заблокирована.

— Значит, Морвена будет искать другой способ влиять на тебя, — задумчиво сказал Майло, помешивая кашу. — Нужно выяснить, как она вообще может проникать в твои сны. Скорее всего, через Первозданный Слог. Вы оба — Слушатели Времени, и между вами есть резонанс.

— А что, если использовать этот резонанс против неё? — предложил Рэй, который, как всегда, появился бесшумно. Сегодня он был одет в тёмно-зелёную мантию с вышитыми серебряными папоротниками — факультетская форма Видящих. — Если Кира сможет не блокировать связь, а, наоборот, протянуть её в обратную сторону, она сможет увидеть, где находится источник силы Морвены. И тогда мы сможем ударить первыми.

Идея была рискованной, но логичной. Талли предложила обсудить это с Айвори, и Кира согласилась. Они отправились в Грот Тишины, но наставницы там не оказалось. Зато их встретил Лиам. Он сидел на каменном выступе и что-то чертил пальцем в воздухе — серебряные линии послушно складывались в сложную схему.

— Айвори ушла на совет магистров, — сказал он, заметив вошедших. — Вас ищет профессор Рид. Она хочет провести совместное занятие Слушателей и Тактильных. Говорит, это поможет вам лучше понять взаимодействие со стихиями. Но у меня к вам другой разговор,

— он повернулся к Кире. — Я слышал, что ты нашла трещину в защитном поле. И я знаю, где ещё такие есть.

Он рассказал, что прошлой ночью, патрулируя нижние уровни (у старшекурсников были свои обязанности), он обнаружил сразу три аномалии в старых подземельях. Одна из них вела в пещеру, которой не было на картах Академии.

— Я не успел исследовать её до конца — меня отозвали, — сказал Лиам. — Но я успел заметить, что там, глубоко внизу, что-то пульсирует. Как сердце. И звук... он похож на твою искру, Кира. Только искажённый.

Кира переглянулась с друзьями. Сердце горы? Или, может быть, сердце Морвены?

— Мы должны пойти туда, — твёрдо сказала она, используя амулет. — Но не сейчас. Сначала подготовимся.

Лиам кивнул:

— Я проведу вас. Сегодня вечером, после отбоя. Только возьмите с собой всё, что может пригодиться для защиты. И помните: если нас поймают, будет очень плохо.

Оставшуюся часть дня Кира провела как на иголках. На совместном уроке Слушателей и Тактильных, который проходил в Зале Единения — огромной круглой пещере с прозрачным куполом, сквозь который было видно небо, — профессор Рид и мастер-Тактильный по имени Грегор (коренастый мужчина с огромными ручищами и добродушным лицом, обрамлённым короткой бородой) учили их объединять усилия. Слушатели должны были улавливать вибрации предметов, а Тактильные — изменять их

форму. Кира работала в паре с незнакомой девочкой из факультета Тактильных по имени Ирэн. Ирэн была невысокой, плотной, с коротко стриженными тёмными волосами и удивительно ловкими пальцами. Её ладони были покрыты мозолями — она явно много работала с камнем и металлом. Она почти не говорила, но её беззвучные импульсы были чёткими и уверенными.

Кира слушала кусок гранита, лежащий перед ними, и передавала Ирэн его «настроение» — камень хотел расколоться по определённой линии, но боялся потерять

форму. Ирэн прикоснулась к граниту, и он плавно разошёлся на две идеально ровные половинки, обнажив внутри сверкающую жемчужину аметистов.

— Отлично! — похвалил мастер Грегор. — Вы двое спелись. Кира, у тебя удивительное чутьё. А ты, Ирэн, как всегда точна.

Кира почувствовала неожиданное тепло от этой похвалы. Она начала понимать, что её дар не только про время, но и про глубокое понимание сути вещей.

Когда наступил вечер и Академия погрузилась в тишину, четверо первокурсников — Кира, Талли, Майло и Линн — а также Лиам, встретились у входа в восточное крыло. Рэй сказал, что останется в гостиной и будет «прикрывать тылы» через Паутину Тишины, а Оскар вызвался дежурить у входа в подземелье, чтобы предупредить, если кто-то появится.

Восточное крыло было старой частью замка, которую почти не использовали. Здесь стены были покрыты трещинами, кое-где осыпалась штукатурка, а воздух пах плесенью и сыростью. Светильники едва тлели, и идти приходилось, подсвечивая себе путь слабыми магическими огоньками. Лиам уверенно вёл их по запутанным коридорам, сворачивая то влево, то вправо, пока они не оказались перед низкой, полуразрушенной аркой, за которой начиналась крутая лестница вниз.

— Это один из старых ходов, — пояснил Лиам. — Он не нанесён на современные карты, но я нашёл его, когда исследовал резонансные аномалии.

Они начали спускаться. Лестница была узкой, ступени — скользкими, и пахло здесь застарелым дымом и чем-то металлическим. Чем глубже они спускались, тем сильнее становилось ощущение чужого присутствия. Кира чувствовала, как серебряная искра внутри неё

начинает вибрировать в такт далёкому пульсирующему ритму. Талли периодически вскрикивала, хватаясь за перила — ей мерещились тени. Майло бормотал под нос формулы, пытаясь определить природу энергии. Линн молчала, но её лиловые глаза широко распахнулись, и она постоянно оглядывалась, словно видя нечто невидимое остальным.

Наконец лестница закончилась, и они оказались в огромной подземной пещере. Своды терялись в темноте, но посередине, на каменном возвышении, пульсировал источник света — огромный кристалл, похожий на тот, что был во дворе Академии, но этот был не голубым, а тёмно-фиолетовым, почти чёрным, и внутри него клубилась тьма, пронизанная багровыми прожилками. От кристалла исходил низкий, угрожающий гул.

— Это не опора Слога, — прошептал Майло. — Это... сердце Морвены. Или, точнее, темница для её духа. Вот откуда она черпает силу.

— И это артефакт Культа, — добавил Лиам. — Его создали последователи Морвены уже после её заточения, чтобы питать её дух и однажды освободить. Видимо, они почти добились своего.

Кира подошла ближе к кристаллу. Её искра внутри реагировала всё сильнее. Ей казалось, что она слышит шёпот Морвены, доносящийся из самого сердца камня: «Освободи меня... и я дарю тебе вечность...»

— Нет, — сказала Кира твёрдо, на этот раз вслух, и голос её прозвучал хрипло, но отчётливо. — Мы должны уничтожить его.

— Это невозможно простой магией, — возразил Лиам. — Но можно попытаться нарушить его связь с Морвеной. Если мы одновременно ударим по нему чистыми частотами пяти разных типов — Слушатель, Видящий, Тактильный, и ещё два...

— У нас есть Оскар с его анти-звуком, — вспомнила Талли. — И Рэй может транслировать свой дар через Паутину.

— Тогда решено, — сказала Кира. — Завтра ночью мы вернёмся сюда с Оскаром и подготовленным ритуалом. А сейчас нужно уходить, пока нас не засекли.

Они поднялись обратно в жилые уровни, когда уже начинало светать. Все были измотаны, но решимость только окрепла. Кира знала: впереди самое трудное. Но впервые она чувствовала не только страх, но и гнев — холодный, уверенный. Морвена хотела забрать её жизнь? Что ж, она получит отпор.

Глава подходила к логическому завершению: открытие тёмного кристалла, решение уничтожить его. Но теперь объём главы значительно увеличен — добавлены сон с Морвеной, урок с Тактильными, описание Ирэн, поход в подземелья, обнаружение сердца Морвены.

Они выбрались из восточного крыла, когда небо над горами только начинало сереть. Усталые, продрогшие, но с ясным пониманием цели, пятеро первокурсников и Лиам тихо прошли через внутренний двор, где центральный кристалл всё так же равномерно пульсировал голубым, и, крадучись, поднялись в гостиную Слушателей. Рэй ждал их, сидя в том же кресле у камина, только теперь на коленях у него лежала раскрытая книга — старый трактат о магических резонансах. Увидев их лица, он отложил книгу и слегка приподнял бровь.

— Ну, рассказывайте. Судя по тому, что вы вернулись живыми, всё прошло относительно успешно. Но по глазам вижу — что-то нашли.

Кира, не снимая промокшей мантии, опустилась на диван и, коснувшись амулета, передала всё, что они видели в подземной пещере: чёрный кристалл, бьющийся, словно сердце, шёпот Морвены, план уничтожить связующий артефакт. Рэй слушал молча, лишь изредка кивал. Когда она закончила, он потянулся к своему медному компасу, раскрыл его и долго смотрел на дрожащую стрелку.

— Я тоже кое-что выяснил, пока вас не было, — произнёс он наконец. — Паутина Тишины зафиксировала ещё три попытки прощупать защиту, все — с разных концов Академии. Но самое интересное: одна из них исходила не извне, а изнутри. Из жилого крыла. Кто-то,

находящийся среди нас, пытался активировать тёмный маяк. Я сузил зону поиска до трёх комнат на четвёртом этаже. Там живут старшекурсники. Среди них — парень по имени Кормак, с факультета Тактильных. Он всегда держится особняком, и, говорят, его семья была связана с запрещёнными практиками ещё до войны.

— Кормак... — задумчиво повторил Лиам. — Я знаю его. Он сильный, но скользкий тип. Пару раз я замечал, как он бродил по ночам возле восточного крыла. Тогда я думал, что он просто лунатик. А теперь... Это он шпион?

— Пока не уверен, — ответил Рэй. — Но проверить стоит. Я попробую завтра подойти к нему с «Зеркалом Истины», которое Линн одолжит мне на время. Если аура Кормака покажет следы тёмных чар, мы узнаем наверняка.

Талли, растирая замёрзшие руки, предложила немедленно идти к Айвори, но Кира остановила её. Наставница сама говорила: в Академии есть предатель. Если Кормак действительно шпион, он может быть не один, и любой неосторожный шаг спугнёт всю сеть. Лучше действовать тихо, собрать доказательства, а уже потом идти к директору. Остальные согласились. Было решено: завтра, после занятий, они разделятся. Рэй и Линн попробуют прощупать Кормака. Майло и Оскар закончат модификацию Паутины, добавив в неё анти-звуковой компонент, который сможет нейтрализовать шёпот Морвены. Талли и Кира отправятся в библиотеку, чтобы найти упоминания о ритуале разрушения тёмных кристаллов, подобных тому, что они видели в подземелье. А Лиам, как старшекурсник, должен был раздобыть карту старых тоннелей — вдруг там есть ещё один ход, о котором враг не знает.

Спать в ту ночь почти не пришлось. Кира, лёжа в постели, прокручивала в голове каждую деталь. Перед глазами стояло лицо Морвены из сна — надменное, уверенное в своей победе. Она, Кира Соболева, девочка из приморского городка, которую считали бракованной, оказалась в центре древнего противостояния. И от того, справится ли она, зависела не только её жизнь, но, возможно, и судьба всего магического мира. Эта мысль одновременно пугала и придавала сил.

Утро началось, как всегда, с мелодичного перезвона, разлившегося по скалам. Но теперь этот звук воспринимался иначе: Кире казалось, что в нём слышны тревожные нотки, словно сама Академия предупреждала своих обитателей о надвигающейся угрозе. В трапезной было тихо, многие ученики выглядели невыспавшимися. Талли, сидевшая напротив, клевала носом в тарелку с овсянкой. Майло, напротив, был возбуждён до предела: он всю ночь провёл за расчётами и теперь, тыча пальцем в исчерканный пергамент, объяснял Оскару, как именно анти-звуковая волна должна накладываться на резонансную частоту кристалла. Оскар, бледный и молчаливый, только кивал, но в его глазах читалась сосредоточенность человека, который понимает с полуслова.

Линн пришла позже всех и сразу же привлекла внимание. Её лиловые глаза лихорадочно блестели, а на щеках горел румянец. Она села рядом с Кирой и, не тратя время на приветствия, беззвучно передала: «Я была у восточного крыла на рассвете. Трещина расширилась. И ещё — я видела следы. Свежие, человеческие, ведущие вниз. Кто-то спускался туда сегодня ночью. Возможно, прямо перед нами или после нас. И этот кто-то оставил на камне знак — открытую ладонь с глазом в центре. Это символ Культа Тишины. Они уже знают, что мы были там».

Новость обрушилась, словно ушат ледяной воды. Если Культ знает, что их логово раскрыто, они могут ускорить свои планы. Значит, медлить больше нельзя. Ритуал разрушения кристалла нужно провести сегодня же ночью, иначе будет поздно. Кира приняла решение за всех: после заката они спускаются в подземелье. Но прежде нужно максимально подготовиться.

Первую половину дня они посвятили поискам информации в библиотеке. Кира и Талли углубились в секцию запрещённых ритуалов — на этот раз с официального разрешения Айвори, которая, узнав о ночном походе, не стала их отчитывать, а молча выписала пропуск. Айвори выглядела усталой и осунувшейся, под глазами залегли тени, а голос звучал глухо. Она

сказала, что Совет магистров до сих пор обсуждает ночное вторжение и не может прийти к единому мнению: одни считают, что нужно усилить внешнюю защиту, другие — что угроза исходит изнутри, и надо проверять всех учеников и преподавателей. В такой неразберихе действовать приходилось на свой страх и риск.

В библиотеке их встретил всё тот же мистер Буккер, который, казалось, вообще не спал. Он провёл их в дальнюю секцию, где на полках, прикованные цепями, лежали фолианты в переплётах из драконьей кожи. Кира осторожно листала страницы, ища описание ритуала дезинтеграции тёмных кристаллов. Талли помогала, зачитывая вслух отрывки — она теперь меньше заикалась, особенно когда волновалась или была сосредоточена. Наконец, в книге под названием «*De Obscuris Lapidibus*» («О тёмных камнях») они нашли нужное. Ритуал назывался «Раскол Созвучия». Для его проведения требовались пять участников, каждый из которых должен был настроиться на одну из первостихий и ударить по кристаллу своей чистой частотой одновременно. Пятая частота — частота Времени — была ключевой, она задавала ритм. И эту частоту должна была создать Кира. Но была одна сложность: во время ритуала кристалл будет сопротивляться, посылая в ответ волны тьмы, способные свести с ума или затянуть в себя душу того, кто к нему прикоснётся. Защититься можно было только с помощью сильного личного артефакта, заряженного светлой магией рода.

У Киры был такой артефакт: прабабушкин серебряный напёрсток, который теперь висел на цепочке вместо лунного амулета. Она сжала его в кулаке, и от металла пошло тепло — словно пять поколений женщин её семьи встали за спиной. У Талли был маленький медальон с портретом бабушки, у Майло — отцовская логарифмическая линейка, которая, как выяснилось, могла фокусировать магические расчёты, у Линн — «Зеркало Истины», а у Рэя — его медный компас. Оскар принёс старый камертон, настроенный на ноту «до» — ноту земли, как он сказал. Лиам же владел фамильным кинжалом с рукоятью из горного хрусталя, который мог рассекать тьму.

Вооружившись знанием и артефактами, они весь оставшийся день готовились морально и физически. Профессор Рид, ничего не подозревая, провела урок «Медитации в потоке Слога», и Кира использовала это время, чтобы максимально углубить связь со своей искрой. Она сидела на краю бассейна в Чаше, закрыв глаза, и слушала, как вода поёт ей о вечности, а камень нащёптывает о терпении. Серебряная искра внутри стала более послушной, она уже не вспыхивала спонтанно, а мягко разгоралась по воле хозяйки. Кира чувствовала, что готова.

Вечером они собрались в гостиной Слушателей. Шестеро первокурсников и Лиам. Свечи были погашены, только камин бросал дрожащие отсветы на решительные лица. Рэй активировал Паутину Тишины на полную мощность — теперь она окутывала не только гостиную, но и часть коридора, создавая безопасный периметр. Майло ещё раз проинструктировал каждого: кто на какой позиции стоит, какую частоту держит, когда вступать. Оскар настроил камертон, и тот тихо загудел, заставляя вибрировать воздух. Линн просканировала ауры всех присутствующих — тёмных следов не было. Можно было выступать.

Они вышли в коридор, где горели редкие кристаллы, и направились к восточному крылу. На этот раз с ними был Оскар, и его камертон, приглушённо звеня, создавал вокруг них зону тишины — шаги тонули в ней, словно в вате. Лиам, возглавлявший отряд, двигался бесшумно, его серые глаза, казалось, видели в темноте не хуже кошачьих. Талли немного дрожала, но шла, упрямо сжав губы. Майло бормотал под нос формулы, проверяя расчёты. Рэй шагал последним, и его компас постоянно указывал в одном направлении — туда, вниз.

Спуск в подземелье прошёл быстрее, чем в прошлый раз: они уже знали дорогу. Но когда они добрались до пещеры с чёрным кристаллом, их ждал неприятный сюрприз. Кристалл больше не был один. Вокруг него, на каменных выступках, стояли пять фигур в серых балахонах с капюшонами, и они тихо, на одной низкой ноте, тянули заунывное песнопение. Это были не призраки — живые люди, последователи Культа, сумевшие проникнуть в Академию через

расширившуюся трещину. Их было пятеро, и они проводили какой-то ритуал: из кристалла вытягивались чёрные щупальца тьмы, которые сплетались в некое подобие портала.

— Они призывают Морвену, — прошептал Лиам. — Мы опоздали.

— Нет, — ответила Кира, и её глаза вспыхнули серебром. — Мы как раз вовремя. Мы прервём ритуал. Все помнят свои позиции? Тогда — вперёд.

И они шагнули в пещеру, навстречу тьме, готовые сражаться за свой дом, за свою магию и за право голоса — пусть даже беззвучного.

Глава 4 Обед у зеркала

Солнце только начало подниматься над горами, когда Кира проснулась от странного ощущения — будто кто-то смотрел на неё. Она открыла глаза и увидела, что Талли уже не спит, а сидит на своей кровати, скрестив ноги, и смотрит в окно. В её руках была серебряная нить, и она плела что-то маленькое и изящное, двигая пальцами с удивительной для такого раннего часа ловкостью.

— Ты чего не спишь? — спросила Кира. Голос хрипел, но она уже не злилась на это.

Талли не обернулась. Плела что-то серебряное, и пальцы двигались сами собой.

— Снилось, — ответила она. — Море. Тёмное. И там кто-то пел. Без слов, просто... ноты. А я пыталась понять — и не могла. А потом проснулась и поняла: это я пела. Во сне. И не заикалась ни разу.

Кира села на кровати, натянув одеяло до подбородка. Комнату заливал мягкий утренний свет, и в нём всё казалось каким-то нереальным, словно они всё ещё были во сне.

— Ты хочешь сказать, что во сне ты можешь говорить свободно? — спросила Кира.

— Да, — кивнула Талли. — И это странно, потому что я не контролирую это. Я просто пою, и слова выходят сами. А когда просыпаюсь, язык снова заплетается. Я думала, что это просто сон, но вчера на уроке профессора Рид я попробовала повторить ту же мелодию, и знаешь что? У меня получилось. Не слова, а звуки. Я спела «ля-ля-ля» без единой запинки. Профессор сказала, что это прогресс.

Линн, которая всё это время лежала с закрытыми глазами, но явно не спала, вдруг заговорила:

— Это потому, что в пении задействованы другие участки мозга. Твоё заикание — это не физический недостаток, а психологический блок. Когда ты поёшь, ты не думаешь о словах, ты думаешь о мелодии. И блок отключается. Ты должна практиковаться.

Талли повернулась к ней и улыбнулась такой светлой улыбкой, что Кира почувствовала, как тепло разливается у неё в груди.

— Спасибо, Линн, — сказала Талли. — Ты, наверное, права. Я попробую сегодня на уроке.

Они оделись и спустились в трапезную. Академия по утрам была особенно красивой: коридоры заливало золотое солнце, светящийся мох на стенах мерцал мягким изумрудным светом, и в воздухе пахло свежим хлебом и травяным чаем. Из трапезной доносился гул голосов, и Кира впервые за долгое время почувствовала, что она — часть этого шума, часть этой жизни.

За завтраком они сели за свой обычный стол в углу. Майло уже был там, уткнувшись носом в книгу и что-то бормоча под нос. Рядом с ним сидел Оскар, который выглядел так, будто не спал всю ночь — под глазами залегли тени, а камертон на шее, казалось, вибрировал даже когда он не прикасался к нему.

— Ты опять не спал? — спросила Талли, садясь рядом с Оскаром.

— Спал, — ответил он, но голос его был глухим. — Плохо. Мне снились голоса. Не те, что я слышу днём, а другие — они говорили на языке, которого я не знаю, но понимал каждое слово. Они говорили о том, что под горой есть что-то, что нас ждёт. Что-то древнее.

Майло оторвался от книги и посмотрел на Оскара с внезапным интересом:

— Что именно? Ты помнишь слова?

— Не слова, — покачал головой Оскар. — Образы. Я видел огромную пещеру, в центре которой стоял камень, похожий на тот, что мы видели в Сердце Гор, только другой — серый, без света. И вокруг него стояли тени. Они не двигались, но я знал, что они живые. Они ждали.

Кира почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она вспомнила свой собственный сон — о Морвене, о её предупреждении. Неужели все они видят одно и то же? Неужели Бездна пытается добраться до них через сны?

— Мне тоже снились странные сны, — призналась она. — О Морвене. Она говорила со мной.

За столом повисла тишина. Даже Майло отложил книгу, и все посмотрели на Киру.

— Что она сказала? — спросила Линн, и в её голосе звучала настороженность.

— Она сказала, что я должна помнить её историю. Что я должна выбрать правильный путь. Что она хотела спасти мир, но ошиблась. И что Бездна — это не просто тьма, это... это что-то, что ждёт, когда его услышат.

— Она пытается манипулировать тобой, — резко сказал Лиам, который только что подошёл к их столу и стоял теперь, опираясь рукой на спинку стула. — Морвена была мастером манипуляций. Она даже после смерти пытается влиять на тех, кто сильнее её.

— Может быть, — согласилась Кира. — Но она говорила правду. Я чувствовала это. Она не хотела зла, она хотела спасти мир, но её методы были неправильными. И теперь она хочет, чтобы я не повторила её ошибку.

Лиам нахмурился, но ничего не сказал. Он сел на свободное место и взял кружку с чаем, которую ему протянула Талли.

— Давайте не будем гадать, — предложил Майло. — Если у нас всех сны, значит, это не случайно. Что-то происходит в Академии, что-то, что касается всех нас. Может быть, это связано с Затмением, которое приближается. Может быть, это просто наша общая тревога. Но мы должны быть осторожны.

— И мы должны держаться вместе, — добавила Талли. — Что бы ни случилось, мы справимся. Потому что мы — команда.

После завтрака у них было свободное время до следующего урока. Талли предложила пойти в Грот Тишины — не для занятий, а просто посидеть и поговорить. И все согласились.

Грот Тишины днём выглядел иначе, чем ночью. Сквозь естественное отверстие в потолке пробивался солнечный свет, и он падал на центральный алтарный камень, превращая его в подобие зеркала. Светящийся мох на стенах переливался изумрудом, а вода в чашах была тёплой и пахла мятой. Они расселись на циновках, и Талли, достав свои нити, начала плести что-то большее, чем просто амулет — похожее на маленький ковёр.

— Это будет моя первая мандала, — сказала она, не отрываясь от работы. — Для защиты от тревожных мыслей. Бабушка говорила, что такие плели в её деревне для рожениц и умирающих. Чтобы им было спокойно.

Майло, сидевший с книгой, поднял голову:

— Мандала — это ведь не просто узор. Это схема резонанса. Если правильно расположить линии, она может усиливать любую магию. У меня есть расчёты... — он полез в сумку за свитками, но Рэй перебил его:

— Ты когда-нибудь отдыхаешь? Мы сейчас не в библиотеке, а в Гроте. Давай просто посидим. Послушаем тишину.

Майло замер, потом вздохнул и убрал бумаги. — Ладно, — проворчал он, — но это потому что я люблю тишину.

Оскар, до этого молча сидевший с закрытыми глазами, вдруг заговорил:

— А я слышу, как вода в чашах поёт. У каждой свой тон. У той, что у входа, — низкий, как будто она глубокая. А у той, что у алтаря, — высокий, почти колокольчик. Они переговариваются. Как будто обсуждают нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.